

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЁВ

РЕТРАНСЛЯТОР

Владислав Жеребьев

Ретранслятор

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8170157

Ретранслятор: Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-516-00201-4

Аннотация

Главный герой, Андрей Скворцов, попадает в тяжелую аварию, а когда сознание возвращается к нему, он обнаруживает, что привычного мира больше нет.

Хомо сапиенс более не царь всего. На смену ему приходит псионик, боевой телепат, получивший свою уникальную способность в момент технологической катастрофы. Обнаружив в себе способности, Андрей вскоре становится участником опасной игры между враждующими лагерями псиоников, старающихся заполучить Скворцова в свои ряды.

Теперь Андрею нужно понять, кто он и что от него хотят противоборствующие стороны, заполнить прорехи в собственной биографии, а главное – понять, можно ли все исправить.

Владислав Жеребьев

Ретранслятор

Сейчас, кажется, что и не было никогда нормальной жизни. Центральное отопление, электричество, музыка из наушников, когда ты шагаешь на работу, или громогласные вопли из динамиков автомобильной магнитолы, пока выкручиваешь руль по бесконечным виадукам городских шоссе. Неоспоримые преимущества современной жизни. Все это стало достоянием привилегированных, отчаянных или просто откровенных негодяев, сосредоточивших в своих руках осколки цивилизации, некогда могучей и процветающей. Когда наступил конец, никто так и не понял. А чуть погодя, когда пришло мое время присоединиться к выжившим и я осознал, во что же превратился мир, то долго не хотел верить в наступившую деградацию и ненависть, борьбу за кусок хлеба и пару батареек для фонарика.

Сейчас проще. Я сижу в уютном кабинете, протянув усталые ноги к камину и наблюдая, как языки пламени гуляют по углям, отбрасывая на стены странные тени, смакую трофейный виски. Вокруг нашего поселка непреодолимая преграда из бетонных стен, зенитных установок и постоянно дежурящих по периметру пиров, вольтов и других псиоников. У нас запасы хлеба и консервов на тридцать лет вперед. Но главное – репутация, против которой не попрешь, и цель,

к которой мы все идем. Иду, конечно, только я, а остальные плывут по течению и, не жалуясь на судьбу, служат истинной цели. Под этими стенами в свое время погибло немало народу. Простые смертные и ретрансляторы, банды, желавшие поживиться за наш счет, и, дикие, выбравшиеся из подземки или бог весть как добравшиеся из зон закрытых городов. Кого-то мы принимали, считая полезными общине, кому-то давали от ворот поворот, и они, голодные и озлобленные, пытались прорваться силой. Только удача была на нашей стороне.

Но основным сдерживающим фактором являлся ваш покорный слуга. Я – Андрей, бывший инженер силовых установок поточного типа, класса «Барракуда», детища НИИ «Алмаз». Мне тридцать пять лет и я – ретранслятор. Моя сила в силе других. Похожих на меня в нашем забытом богом мире единицы. И чем сильнее противник, преградивший мне путь, тем быстрее его смерть.

Началось же все в том самом спокойном мире. Я ехал на мотоцикле и попал в аварию. Миг, боль, свет – и вот я уже не я.

Надоело всё. Тупость чиновников из Москвы, придумывающих причины для отсрочки реализации проекта, скудное финансирование, львиная доля которого оседала в карманах чинуш, и когда деньги наконец появлялись на расчет-

ном счете, до нас доходили сущие крохи. Надоела наглая глупость моего шефа, мнящего себя если не великим ученым, то одним из блестящих умов современности. Вообще никогда не мог понять, почему именно полковника Мартова поставили во главе нашего исследовательского центра, да и откуда он, человек насквозь военный и к науке отношения не имеющий, появился, тоже было не понятно, необходимых знаний и умений у него не было, но если в армейских условиях он мог показать себя как опытный воин и умелый командир, то в нашей полугражданской среде ученых, инженеров и техников, особо не жалующих дисциплину, он не прижился сразу.

Вот и сегодня, когда я дописал последний отчет по установке, он вызвал меня к себе в кабинет, и, метко брызжа слюной, устроил разнос за якобы мою ошибку с резервными элементами питания, хотя я неоднократно подавал докладные записки об увеличении номинала и включении в цепь стабилизаторов. Ну да бог с ним. Подчиняться приходилось, ибо звание мое (капитан) было ниже, а Мартов какой-никакой, но босс, поставленный сверху, и тут уж ничего не попишешь.

Дождавшись, пока любезный начальник наорется и нарежет массу ненужных ценных указаний, большую часть из которых я благополучно пропущу мимо ушей, я кивнул и, сдерживаясь, чтобы не сунуть в эту раскрасневшуюся шишковатую морду пару горячих, заспешил сначала прочь из каби-

нета, затем вдоль по коридору и вниз по лестнице в лабораторию, где я обычно и проводил восемь часов жизни в сутки. С девяти до шести, с понедельника по пятницу, с перерывом на обед. Заблокировав компьютер и заперев хранилище с элементами питания, я повесил халат на спинку стула, надел куртку и, прихватив рюкзак, заторопился на выход, прочь из душного офиса. Время уже было позднее, и домой стоило поспешить. Завтра должен был начаться очередной трудный день с полевым испытанием установки на полигоне в области, на котором быть обязательно, хоть ты тресни, хоть помри, хоть теща заболеет. Впрочем, если бы я помер, то Мартов наверняка счел бы эту причину уважительной, однако отпраиваться на тот свет я в ближайшее время не планировал.

На проходной я замешкался, роясь в карманах в поисках пропуска. Пока я производил раскопки, бдительный вахтер пенсионного возраста подозрительно посматривал на меня через плексиглас, раздумывая, уж не нарушитель ли я, и когда вожделенный кусок пластика был извлечен и приложен к считывателю, на его лице отразилось такое неподдельное разочарование, что настроение мое даже немного поднялось.

Выкатив с парковки, я захлопнул забрало шлема и, неспешно подкручивая ручку акселератора, поехал по карману. Фонари уже всю освещали пустынный проспект, и путь до дома казался простым и безмятежным. Добравшись до разделительной, я притормозил, опустив одну но-

гу на асфальт для баланса, а затем, быстро осмотревшись, выкрутил рукоять до упора. «Сузуки» подо мной взбрыкнул и рванул с места. Лето, красота, вечер. Скоро выходные, я смогу выбраться за город и на старом аэродроме испытать свою новую игрушку на полную. Я улыбнулся, поддал газа и понесся вперед... а затем вспышка боли – и тишина.

Резкий запах медикаментов, плесени и запустения. Вот что пришло мне в голову в тот самый момент, когда, открыв глаза, я уставился в облупившийся потолок. Вокруг царила полная, почти осязаемая тишина. Такая бывает на первом экзамене или в публичной библиотеке. То есть абсолютная. Ни единого постороннего звука. Немного привыкнув к освещению, я начал оглядывать помещение, в котором оказался, и быстро пришел к неутешительным выводам. Больничная палата, самая обыкновенная, с белыми простынями, графиком на стене и стальным шкафом, запертым на замок, а в нем окромя цитрамона небось и нет ничего. Имелись еще тумбочка и старенький телевизор «Рубин», подвешенный к потолку, и даже кнопка вызова медсестры, которой я тут же и поспешил воспользоваться.

Более детальный осмотр тоже ни к чему хорошему не привел. Датчики на груди и голове, катетер в вене, штука, ну там, чтоб не ходить под себя, и плотная повязка на голове. На спинке кровати нашлась моя карта с назначениями, и, с трудом дотянувшись до планшета, я с сомнением начал ее

пролистывать, пытаюсь разобрать невнятный почерк эскулапа.

– Так, – я закашлялся и, почувствовав невероятную сухость во рту, попытался найти в палате графин с водой, но не нашел. С трудом дотянувшись до планшета, я понял, что подобное физическое упражнение в моем состоянии это все, на что я способен. Слабость невероятная. – Так, черепно-мозговая, автомобильная авария. Мозг не пострадал...

Дойдя до пункта с протакриловым протезом, я на секунду прикоснулся к своей многострадальной черепушке.

– Вот уж приплыли, Франкенштейн, не иначе. Интересно. И как давно я здесь?

На мои слабые крики и уже десятую попытку вызова медицинского персонала никто не откликнулся. Соображал я плохо, но единственным правильным решением выбрал выковырять себя из постели, отправиться по стеночке до поста медсестер и хорошенько их отчитать за столь пренебрежительное отношение к больным. Эту мысль я и попытался осуществить. Катетер из вены получилось вытащить без затруднений, а вот извлечение того, что находился в мочеточке, вызвало у меня бурю новых ощущений и чуть было не отбило желание совершить карательный рейд. Однако природное упрямство и воздействие обезболивающих помогли, и, свесив ноги, я с сомнением смотрю на приоткрытую дверь палаты, а за ней безмолвие, тишина и... вот, кто-то идет.

Пока я занимался самоистязанием, в коридоре действительно послышались отчетливые шаги. Кто-то, может быть, двое, может быть, больше, не очень уверенно шел по коридору, то и дело останавливаясь и стараясь издавать меньше шума, но в абсолютной тишине услышать его было проще пареной репы.

– Эй! – попытался закричать я. – Кто-нибудь?! Что тут происходит? – Но вместо крика лишь сипение, которое только с большой натяжкой можно было признать за человеческую речь. Этого, впрочем, было достаточно. Шаги на секунду замерли, и невидимый пока незнакомец уверенно зашагал в мою сторону, подняв при этом клубы пыли.

Тоже мне, лечебное учреждение. Антисанитария одна. Это надо же, как у нас до сих пор лечат.

Шаги все же достигли двери, и та, скрипнув, впустила в палату странное небритое существо в ватнике и с АК на плече. Ни дать ни взять партизан.

– Живой? – осторожно поинтересовался небритый, с интересом оглядывая мою измочаленную фигуру и босые ноги, беспомощно свесившиеся с кровати.

Я одобрительно засипел.

– То-то, я думаю, фонит, будто рвануло что, а тут ты. – Небритый расплылся в довольной улыбке и, сняв с головы замусоленную кепку, комично поклонился. – Разрешите представиться, ваше благородие. Семен Крутиков, штатный сканер его превосходительства коменданта Петербургского сек-

тора. Ты-то нам, паря, и нужен.

Последнее заявление было произнесено с таким выражением лица, что даже я, иногда простодушный, а зачастую и безалаберно добрый человек, почувствовал не то что неладное, а прямую угрозу.

– Эй вы, козлы душные, – Крутиков высунул голову в коридор. – Я его срисовал. Тащите носилки и ходу, а то нагрывают на нашу голову уроды и поминай как звали. То-то комендант рад будет.

– Что за комендант? – нахмурился я.

К транспортировке на носилках я готов не был и отчетливо понимал, что медицинский уход в моем состоянии будет не лишним, но Семен и слушать меня не хотел. Отмахнулся только да проронил, пропуская в палату двух поджарых кавказцев в стеганых куртках:

– Там увидишь, паря, там увидишь.

Бесцеремонные южные гости подхватили меня под руки и под ноги и, будто тряпичную куклу перебросив на носилки, бодро потащили сначала вон из палаты, а затем и по пустому больничному коридору.

– Да что происходит, черт бы вас всех побрал? – попытался возмутиться я, но меня и слушать не стали, а тащили, как мешок картошки.

Секунда, и события начали разворачиваться с пугающей быстротой. Сначала замедлились мои носильщики, озираясь и втягивая ноздрями воздух. Затем всполошился Крутиков

и, поспешно сняв с плеча АК, указал парням на двери ближайшей палаты.

– Что происходит? – На удивление четко и без акцента пугливо поинтересовался парень, что шел впереди. – Загородный сектор?

– Не должны. – Семен проверил магазин на наличие патронов и со смачным хрустом вогнал его обратно. – Сейчас пощупаю.

Прикрыв глаза, он прислонился к стене и, казалось, к чему-то прислушался.

– Ничего удивительного, – зашептал второй кавказец, стараясь не отвлекать Крутикова от прослушки. – От него такой фон, что любой дурак польстится. Шутка ли, девяносто семь, и это на расстоянии в два километра. Что уж говорить про то, что сейчас идет. Приборы небось шкалят, а сканеры, если на волну наткнутся, глохнут небось недели на две.

– Тише вы. – Семен открыл глаза и зло цыкнул на говорившего, и тот, боязливо опустив взгляд, поспешно прикрыл рот рукой. – Я с вашим трепом сосредоточиться не могу. И так работать сложно, а тут еще этот. – Это уже в мою сторону.

И тут мужик согнулся пополам, закрывая голову руками, и в тот же момент воздух пошел рябью, и яркая синяя струя пламени ударила в дальний угол.

– Вольты! – Молодой кавказец сноровисто вытащил из недр куртки выдавший виды ТТ и, окончательно отпустив мои носилки, бросился на пол, наугад выпуская пули в двер-

ной проем.

– Говорил же, – завизжал второй носильщик, следуя примеру товарища. – Бойцов надо было брать! Неужто хозяину пару фризов жалко? Один черт...

Второй всполох пламени прошелся чуть выше моей головы, и от этого волосы над ней поднялись дыбом.

– Господи, – прошептал я, стараясь скатиться с носилок после не совсем мягкого приземления. – Это же электричество! Но как?

Волна жара прошла по коридору, сворачивая краску на стенах в черные, горелые завитки и заставляя стекла лопаться с мерзким звенящим звуком. Будто ножом, будто по венам. Тяжелые выверенные шаги по коридору вдруг стали так же отчетливо слышны, как и стук моего собственного сердца. Семен, перекатившись по комнате, попытался было немного пострелять, но новая волна нестерпимого жара, пронесшаяся мимо него, заставила с визгом выпустить вдруг раскалившийся докрасна автомат и, судорожно сжав обожженные ладони, отползти в дальний угол палаты.

Кавказцы же и вовсе героев из себя не строили и, быстро сообразив, что перевес в силе явно на стороне противника, быстро побросали пистолеты и распластались на полу. Произошло это ровно тогда, когда проводка вдруг задымилась, и ранее не работавшие лампы дневного света вспыхнули и осыпались на наши головы дождем стеклянных осколков.

– Держи угол, – хриплый мужской голос в коридоре вскоре обрел форму крепкого, лысого будто бильярдный шар типа в черной куртке и джинсах, заправленных в новые армейские ботинки.

– Без проблем. – Второй голос, звонкий, с надрывом, принадлежал женщине. – Только ты смотри там, осторожнее. Чуть что, суши.

– Без проблем. – Лысый довольно усмехнулся и шагнул в палату, с иронией посмотрел на веселую компанию, вжавшуюся в крашенные доски пола. – А вы, я смотрю, загораете.

– Сбрэндил, – зашипел Семен, баюкая поврежденные руки. – Комендант узнает, что вы тут творите, мигом всем головы открутит.

– Тю, – лысый присел на корточки и поднял с пола пышущий жаром «калашников».

Я уж было приготовился к тому, что он вскочит и, уронив автомат, завоет в припадке дикой боли, как совсем недавно это проделал господин Крутиков. Но не тут-то было. Парень явно был под наркотой или йогом высшей квалификации. Он даже не шевельнул мускулом, когда, повертев испорченное оружие в руках, отбросил его в сторону, а затем переключил внимание на меня.

– Ты уж прости. парень, – дружелюбно кивнул лысый. – Еле успели. Идти можешь?

– Даже не знаю. – Странно, но к этому чуть нагловатому незнакомцу в потертой куртке и не очень чистых джинсах я

испытывал больше симпатии, чем к травмированному Семе и его до сих пор не посмевших даже голову поднять кавказским товарищам. Попытка приподняться на локтях прошла довольно успешно, хоть и стоила мне многих усилий, а вот уже дальше пошло и вовсе из рук вон плохо. Ноги слушались, но с трудом. Мышцы отвыкли и атрофировались, и в данный момент я был беспомощнее котенка. – Нет, – я отрицательно покачал головой и, обессиленный, рухнул на носилки.

– Ну ничего. – Кивнул лысый. – Мы тебя с Наташкой вытащим. Баба она крепкая. Эй, Натаха, хорош прохладиться. Дуй сюда. Тут новенького транспортировать надо.

По первому зову товарища в палату ввалилась странного вида девица с вызывающим макияжем, наложенным на вполне себе симпатичную мордашку, косухе и на каблуках высоты такой, что можно было усомниться в возможности на них передвигаться.

– Лежать! – лысый обернулся к зашевелившемуся подручному Крутикова. Лицо его напряглось, в глазах полыхнуло огнем. Самым натуральным, хоть, наверное, и почудилось от стресса, перенапряга и обезвоживания.

– Пить хочу. – Я, довольный, наблюдал, как кавказец впечатался клювом в пол и прикинулся ветошью, а потом, с благодарностью приняв из рук Наташи флягу с водой, попытался выхлебать ее в два захода, и тут же был остановлен бдительной девушкой.

– Куда ж ты! – ахнула она. – Нельзя столько. Захар же говорил, ни в коем случае много жидкости или пищи. Хуже будет.

– Захару виднее, – охотно согласился лысый, выщелкивая из ТТ магазинны и прилежно складирова их в карман. Тот же фокус он проделал и с погибшим АК, а затем, чтоб быть уж совсем дотошным, обыскал моих то ли спасителей, то ли похитителей и успокоился, только когда выудил оттуда все, что ему показалось интересным.

– Ладно, – выдохнул грабитель. – Уходим. Ты, Наташа, бе-ри спереди, я позади, а вы, голуби, даже не пытайтесь пошевелиться или сканить нас. Мне для доброй драки руки не нужны.

– Что происходит? – наконец выдавил я, немного отойдя от блаженного ощущения влаги во рту. – Что, черт возьми, происходит вокруг? Война? Я был в отключке? Где весь персонал?

– Помолчи. – Наташа подхватила передние ручки носилок, а лысый задние, и так, сноровисто и почти вприпрыжку, мы выбрались в коридор и вновь отправились в ранее прерванное путешествие.

– Почему помолчи? – набычился я, но лысый только хмыкнул.

– Из сил выбьешься. Тебе еще здравый ум понадобится, пока едем.

На улице мне стало нехорошо. Едва Наташа шагнула

за порог, как в ноздри мне ударил запах тлена, горелой резины и чего-то очень знакомого, да так, что закружилась голова и желудок мгновенно потребовал полного опустошения. Конечно, я чувствовал неприятные запахи, но тут нахлынуло такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Пока я аккуратно травил, свесившись, мои носильщики быстро пересекли пустую улицу и, опустив носилки на асфальт около потрепанной «Нивы» с напрочь отсутствующей крышей и задними дверьми, начали запихивать меня в это устройство. «Странный аппарат», – мелькнуло у меня в голове, а когда я оказался на побитом жизнью заднем диване, то и вовсе разуверился в серийности данного автомобиля. Как раз посреди я увидел вваренную в раму перекладину, на которой крепилась площадка с шарниром и отбойником.

– Что это? – Я с сомнением постучал ногтем по странной конструкции, мгновенно отозвавшейся глухим металлическим звуком.

– Крепления для «дегтярева», – хмыкнул лысый, заводя мотор. – Кстати, меня Дима зовут.

– Андрей, – я осторожно пожал широченную лапу лысого и с благодарностью принял от Наташи потасканный, но вполне приличный плед. Транспортировали меня на улицу прямо в больничной рубашке. И тут, когда авто тронулось, меня посетила ужасная мысль. Всё. Вещи, документы, ключи от мотоцикла, все это осталось в больнице, где находился Крутиков со своей бандой, о чем я тут же сообщил своим новым

знакомым, но те вновь отмахнулись.

– Дались тебе эти корочки, – дождавшись, пока мотор прогреется, Дмитрий сдвинул неуклюжий транспорт с места и, быстро набирая скорость, понесся по пустынному шоссе. Кажется, Ленина, а может, Можайка, я не очень ориентировался в этой части города. Пока мы ехали, я кутался в плед и с интересом смотрел по сторонам, открывая для себя новые и все более пугающие факты. Много было брошенных машин, еще больше крыс и пустых домов, о чем свидетельствовали разбитые стекла. Будь помещение жилое, хозяин бы озаботился тем, чтобы вернуть окну его первоначальный вид. Мусора тоже было прилично, а запах! Такого амбре я не видал с тех пор, как по долгу службы ездил на полигон под Питером, где пытались складировать все возможные и невозможные отходы. Издалека еще куда ни шло, ближе уже хуже, а на самой территории без специальной маски с отдушкой находиться просто невозможно. Впрочем, работники полигона расхаживали по округе без оных и прекрасно себя чувствовали. Притерпелись.

Чем дальше мы ехали, тем более очевидным был тот факт, что пока я лежал без сознания, а эскулапы чинили мою поломанную черепушку, я пропустил что-то очень важное.

– Война? – начал я расспросы. – На нас все-таки напали американцы?

Дима вновь игнорировал мой вопрос, увлеченно лавируя между обгорелых скелетов автомобилей, а Наташа, видимо

сжалившись, покачала головой.

– Апокалипсис, мой друг.

– Метеорит? Нападение пришельцев? Ядерный взрыв на АЭС?

– Все мимо. – Губы девушки расплылись в печальной улыбке, и она, отвернувшись, присоединилась к молчаливому бойкоту водителя.

Эх, дела. Я плюнул на все и решил дожидаться развязки. В конце концов, мне был обещан разговор с неким Захаром, который должен был расставить точки над «і». Ну да бог с ним. Все это хоть как-то можно объяснить. Эта парочка и Крутиков со своими бойцами – две враждующие группировки на развалинах цивилизации. То, что у такого ханурика, как Семен, в руках самый заправдашний АК со всеми из этого вытекающими, тоже не сильный шок. Но вот спецэффекты, с которыми появились мои новые знакомые, это стоило отдельных разбирательств. Электричество и огонь. В один момент я вспомнил выкрики кавказцев. «Пирь! Вольты!» Знать бы, что они имели в виду.

Тем временем старенькая «Нива» выбралась из мертвого, ну или умирающего города и, грохоча покрышками по выщербленному асфальту, пролетев виадук, выскочила на пригородное шоссе. Вот тут-то шли настоящие бои. Будка ДПС на выезде, километрах в трех от мегаполиса, была букваль-

но разметана в куски. Повсюду валялись напоминающие рыбы скелеты, автомобильные остовы. Многие изрешечены в хлам, другие выжжены, скрученные и искореженные. За рулем частенько можно было увидеть выбеленный скелет, до которого по счастливой случайности не добрались падальщики. Никогда бы не подумал, что родной город превратится в поле битвы и сотни людей будут отнимать друг у друга жизни, за идею, еду или патроны.

Спутники мои был немногословны и большую часть дороги я провел, трясясь под одеялом от пронизывающего ветра и кляня того умника, который умудрился убрать задние двери. Данный способ передвижения был попросту опасен. Каждая кочка, каждая выбоина в далеко не идеальной дороге грозила выбросить меня на обочину, и волей-неволей, вцепившись в стальную опору крепления пулемета, я с печалью во взгляде вспоминал свою уютную квартиру. Что от нее теперь осталось, если вокруг творится сущий ад? Сгорела? Разграблена? А может, поселились проходимцы, воспользовавшись отсутствием хозяина, и сейчас хлещут себе запасы моего коньяка и подъедают консервы?

Дорога закончилась быстро. Дмитрий резко свернул на проселочную, еще более разбитую дорогу, и я, ругнувшись, крепче вцепился в железку. Началась зубодробительная десятиминутка, в ходе которой я прочувствовал каждую свою косточку, каждой мышцей собственного тела ощутив, какой же я рохля и мешок с костями. Наташа же, наоборот,

держалась молодцом и даже разговорилась ближе к концу путешествия, но мне уже было все равно. Отчаянно мутило, голова кружилась и в висках, что-то бухало и трещало, грозя взорвать мою многострадальную черепушку. Когда оказался высокий дощатый забор с пущенной поверху егозой и мы подъехали к бетонным блокам, преграждающим прямой путь к воротам, я оказался не то что без сил, а уже и без воли к жизни.

– Спит? – Дмитрий притормозил и помахал кому-то рукой.

– Просто отключился. – Пожала плечами девушка. – Что будем делать?

– Захара все равно на базе нет. Отнесем в комнату, пусть отсыпается. Обогреватель не забудь включить и распорядись, чтоб приготовили какой супчик питательный. Нам он в строю нужен, чем скорее, тем лучше, иначе комендант совсем оборзееет.

– Думаешь, обидится на нашу выходку?

– Это вряд ли. Чей рекрут, того и право. Да и потом, кто же мог знать, что он вот так просто появится. Прочесывали же сектор на прошлой неделе и ничего. Да и потом, сама зона нейтральная. Технически мы ни на чьи права не посягали. Ни к базару не совались, ни к складам.

– Треп, – прошептал я, чувствуя, что окончательно теряю связь с этим миром. – Один треп и никакой конкретики. – А за ними тишина, мирная и долгожданная.

Это пробуждение показалось мне существенно легче предыдущего. Слабость все еще оставалась, однако не было отвратного запаха и пугающей тишины брошенной больницы, и небритой морды Крутикова в этот раз не было. Разбудил же меня показавшийся сногшибательным запах жареной картошки и куриного супа. От голода я даже начал различать отдельные ингредиенты среди ароматов, заполнивших пространство. Слабость не слабость, но голод не тетка. Потерев глаза, я выбрался из-под одеяла, решил было привлечь к себе внимание, ну хотя бы криком, но вовремя вспомнил про больничную одежку. Показываться в такой на глаза честному народу было легкомысленно и глупо, а одеяло за одежду не считалось. Впрочем, покрутив головой, я с удивлением и радостью обнаружил на табурете возле окна вполне себе сносный комплект одежды. Встав, я шагнул по направлению к своему новому гардеробу, совсем забыв о своем состоянии, и как ни в чем не бывало прошлепав босыми ногами по холодному линолеуму, только опершись на подоконник, понял, что совершил невозможное. Еще вчера я представлял из себя хилое, еле шевелящееся существо, а теперь вполне могу преодолевать небольшие расстояния и при этом не валиться без сил.

Чудеса продолжались дальше, ибо слабости или недомогания я не почувствовал, а вскоре ощутил небывалый подъ-

ем. Стометровки, конечно, мне не бегать, но переодеться в чистое сам бог велел. Одежду подбирали со смыслом и явно по мерке. Нашелся комплект нижнего белья и носки, все новое, еще в полиэтиленовой упаковке, брюки с большим количеством карманов и полотняным поясом и дюралевой пряжкой, простая синяя рубашка, и такая же куртка, в какой рассекал мой вчерашний знакомый, Дмитрий. Обувь тоже была знатная. Мягкие мокасины без шнурков пришлись ровно впору. Облачившись в обновки, я повертелся на месте, жалея, что нет зеркала. Опять ошибся. В комнате оно имелось, небольшое, над умывальником. На полке под ним я нашел одноразовый станок, кусок мыла, зубную щетку и коробку порошка. Я скептически осмотрел помятое отражение своей физиономии и осторожно, опасаясь боли, начал развязывать повязку на голове. Процедура удаления бинтов оказалась не такой уж страшной, но вот то, что я увидел под ними, свергло меня в очередной шок. Большая часть черепа начисто лишилась волос, но вместо них появился уродливый квадратный шрам и заплатка какого-то материала, на ощупь от кожи неотличимого. В этом виде, с проплешиной и странным пигментом на голове, я показался себе еще более отвратительным. Гротескная копия последнего секретаря компартии, спицу ему в забрало.

Повернув кран, я с удовольствием отметил, что вода есть, а когда после недолгих манипуляций температура воды заметно повысилась, моей радости не было предела. Волосы

у меня всегда были короткие. Мой бывший босс, полковник Мартов, позабыл, что имеет дело с насквозь гражданскими людьми, и ввел за правило всему персоналу иметь короткие стрижки, а когда ему пытались возразить, краснел, покрывался пятнами и орал, что уволит. Платили у нас неплохо, да и полномочия у полковника были, так что мужская часть коллектива предпочитала лишний раз посетить парикмахера, нежели навлечь на себя гнев сурового и недалекого начальства.

Итак, решено было побрить голову, и уже через тридцать минут, никем не потревоженный, я в последний раз ополоснул уже лысый череп теплой водой и, вытерев его насухо куском ветоши, такой роскоши, как полотенце, я, к сожалению, не нашел, бодрым шагом приговоренного к повешению шагнул за двери своей комнаты и тут же нос к носу столкнулся со спешащим по своим делам Дмитрием.

– Привет, – хмуро кивнул тот, ловко огибая меня и устремляясь дальше по коридору. – Проснулся уже?

– Да вроде того, – полетело ему в спину. Я с удивлением наблюдал, как шустрый парень проворно юркнул в дверь с табличкой «Санитарная часть», откуда вскоре и появился, бережно прижимая к груди тяжелый флакон с прозрачной жидкостью.

– Пьешь? – вновь бросил он, пробегая мимо меня.

– Так я же это... – растерялся я, вспоминая все пережитое и не лучшее состояние собственного организма.

– Значит, пьешь. – Дмитрий на секунду задержался в проходе. – Дуй за мной. Спирт в небольших дозах полезен в любых количествах, да и Захар приехал, в хорошем настроении, кстати, так что дуй за мной.

– На пустой желудок?! – было возмущен я, но Дмитрий хмыкнул и выскочил в дверной проем.

Мне же ничего не оставалось делать, как направиться вслед коварному подстрекателю, и чем дальше я шел, тем больше чудесных ощущений испытывал мой организм. Первые пару десятков шагов по коридору, гулкому, наполненному живыми звуками и запахами, я прошел вполне легко. Вторая часть пути, пролегающая сначала по нестриженому газону, тропинке вдоль сарая и мимо пары парней в толстовках, колющих дрова, тоже была замечательная, а когда я, вслед за Димой, проскользнул под хмурые взгляды охранников за периметр и поспешил, перескакивая через корни деревьев и разлившиеся ручьи, куда-то в глубь подлеска, то и вовсе почувствовал себя отлично.

Тропинка, на которую мы в итоге выбрались, долго петляла между деревьев, пачкая ноги глиной и прелой листвой, пока не вывела на умопомрачительный запах самого настоящего шашлыка. Трое сидели на раскладных стульях и, потягивая пиво из бутылок, с ленцой следили за шкворчащим на шампурах мясом.

Одного, точнее, одну из этой веселой компании я уже знал. Девушка с тонким, чуть надломленным голосом, Ната-

ша, самозабвенно нависая над мангалом, бдительно следила за пышущими жаром углями, то и дело ворочая шампуры. Запах стоял фантастический. Природа, свежий воздух, пикник. Хорошо все, замечательно, лучше не бывает, если бы ни одно но.

Остановившись в паре метров от сборища, я машинально провел ладонью по гладко выбритой голове.

– Подстригся? – Наташа отвлеклась от готовки и, переведя на меня взгляд, улыбнулась. – Присаживайся.

Дима бухнул баклагу со спиртом у ног рыжего субъекта в потертом пиджаке с заплатами на локтях и ботинках военного образца, выглядывающих из-под широких джинсов, и упал на свободный раскладной стул.

– Знакомься, – кивнул он.

– Андрей. – Я протянул руку рыжему, и тот, добродушно улыбнувшись, сжал мою ладонь.

– Геннадий. Сканер.

Переместившись к последнему члену компании, я на секунду остановился. Лицо его, худое, бледное, с огромным количеством морщин и выцветшими, неприятными, будто у рептилии глазами, показалось мне знакомым. Что-то знакомое, опасное, непредсказуемое, что следует обходить стороной, но как я ни старался, ничего вменяемого мне в голову не пришло, и я вновь протянул руку.

– Андрей.

– Захар. Фриз. Присаживайся, капитан. Есть серьезный

разговор.

Я с сомнением присел на предложенный стульчик и нахмурился.

– Капитан?

– Ну да. – На этот раз пришла очередь удивляться уже Захару. – Вот твоя медицинская карта. – Седой приподнялся, достал больничную папку, на которой сидел, и протянул мне с некоторым изумлением.

Взяв в руки карту, я открыл первую страницу и с сомнением посмотрел сначала на распечатку диагноза, потом на какие-то и вовсе для меня незнакомые данные.

– Начало смотри, – подсказал Захар.

На титульном листе документа, кто бы мог подумать, была приклеена моя фотография, вида бледного. Явно позаимствованная то ли с работы, то ли из другого официального архива. Там я был в форме и даже с парой планок на кителе.

Ниже значилось – «Андрей Петрович Скворцов. Тридцать лет. Капитан инженерных войск».

– Бред, – резюмировал я, возвращая бумаги Захару. – Не скрою, до аварии я работал в НИИ. Наша лаборатория занималась некоторыми вещами, в коих были заинтересованы Министерство обороны, энергетики, Федеральная Служба Безопасности и еще сотни других структур, но военным я никогда не был.

– Странно, – седой поморщился и протянул мне стакан с разбавленным спиртом.

– Не пью, – постарался отбрехаться я от угощения. Виски там со льдом, или коньяк, но спирт, уж спасибо, увольте. Однако седой был настойчив, да и Наталья предложила выпить за знакомство и вновь прибывшего. Сдавшись на милость победителю, я зажмурился и отправил содержимое пластиковой посуды в рот.

А ничего пошло. Вроде как и непривычно, да ничего страшного. Думал, хуже будет, а тут скорее как хорошая водка, ледяная, под закуску горячую. Хорошо пошло.

– Где вы эту карту взяли? – Захар крикнул, пощелкал пальцами и выудил из кармана пачку сигарет.

– Как где? – Дима щелкнул зажигалкой. – У него на спинке кровати, в кармашке таком железном.

– Ничего не перепутали? – ехидно поинтересовался седой.

– Да что тут путать, Захар. – Наташа, убедившись в готовности продукта, начала снимать с мангала шашлыки. – Там же фотка его есть. По ней и определили.

– Фотка, Андрюха, твоя. – Седой с наслаждением затянулся и, выпустив в небо стройку ароматного дыма, уперся в меня взглядом.

– Там много чего моего. – Криво усмехнулся я. Русло, в которое уходил наш разговор, переставало мне нравиться. Даже врученная мне бумажная тарелочка с шашлыком и новая порция горячительного почему-то потеряли свою былую привлекательность.

– Например? – С иронией в голосе поинтересовался Захар, отправляя в рот добрый кус жареной свинины.

– Подпись там моя, которую я не ставил, – начал я по памяти перечислять недочеты, которые заметил цепкий взгляд. – Разрешение моей супруги на операцию, если учесть, что женат я никогда не был. Много там, Захар, интересного, ой как много.

– И правда, – попытался вдруг выступить на моей стороне Дмитрий. – Кольца-то у него на руке нет.

– Кольцо не показатель, – отмахнулся седой.

Некоторое время все молча жевали. Я старался понять, что вообще происходит. Захар, очевидно, не дурят ли ему голову. О мыслях остальных даже догадываться не возьмусь. Наташа продолжала дожаривать шашлык, Дима с головой ушел в разбавление трофейного спирта, а рыжий Гена-сканер, просто закрыл глаза и притворился, что до мирских сует дела ему в данный момент нет и кармическое блаженство ближе еще на один шаг.

– Проверить бы его, – вдруг ни с того ни с сего заныл рыжий, вынырнув из нирваны. – А, Захар? Пощупать? А если выкормыш комендантский...

– В мозги ему лезть собираешься? – оскалился седой. – Не дам. Я не Ханой. Жечь память не позволю.

На этих словах я окончательно почувствовал неладное.

– Да ладно тебе, Захар, – продолжал настаивать Гена. – Или ты меня не знаешь? За десять лет ни одной осечки. Чет-

ко все. Вспомни, как проглотов на прошлой неделе срисовал. Если бы не я, сгинул бы дозор.

– С проглотами ловко вышло, – немного смягчился седой. – Хвалю. Но сканить, вот так...

– Послушайте, господа, – не выдержал я. – Я очнулся в палате. На меня напали, хотели куда-то утащить. Потом чуть не пожгли огнем и электричеством, а на мои робкие попытки спросить, что вообще произошло с этим миром, отмахиваются и отправляют к Захару. Захар здесь. Я настаиваю, нет, я требую, чтобы мне все объяснили.

– Мда, – Захар погрустнел и, встав, кивнул в сторону видневшегося неподалеку озерца. – Пройдемся?

– Отчего же не пройтись. – Отставив в сторону тарелку с едой и стакан, я поднялся со стула и зашагал вслед за бодро топающим вперед мужиком.

– Ты правда хочешь узнать? – осторожно поинтересовался тот, едва мы поравнялись и пошли рядом по широкой тропе. – Я бы на твоём месте предпочёл оставаться в неведении. У многих крыша поехала от подобных известий, и это поначалу. Боюсь представить, как это ты теперь воспримешь.

– А ты не стесняйся. – Покачал я головой. – Рассказывай. Не спеша, размеренно, а я уж решу, от чего с ума сходить, а на что и положить с прибором.

– Ну ладно, – седой докурил и, выщелкнув сигарету, с некоторым садистским удовольствием проводил её взглядом до ближайшей лужи, где та и погибла, зашипев и погас-

нув. – Вообще тут вокруг нет никого из военных.

– Это я понял. – Я доверительно кивнул, неспешно следуя за новым знакомым.

– Все гражданские, – продолжил Захар, казалось, не заметив моей реплики. – Наташа до исхода продавщицей работала в гипермаркете. Всю свою недолгую взрослую жизнь смотрела на людей через прилавок. Ни опыта жизненного, ни подготовки. Димка, ну тот, что лысый, вроде тебя, шофер знатный. Двенадцать лет таксовал по городу. У того, конечно, опыта больше, но тоже балбес. Генка, сканер наш, ты на него не обижайся, он не со зла, полжизни библиотекарем протрундился. Кроме книжной пыли ничего не нюхал, но знаний энциклопедических вагон и маленькая тележка. На любой вопрос ответить может, и так почти все наши.

– А ты?

– А что я? – Захар печально вздохнул и, остановившись на берегу затянутого ряской лесного озера, подхватил с земли плоский камешек и с силой запустил его по тихой воде. Камень взвился, запрыгал, затанцевал, оставляя после себя круги, а потом, издав последний бульк, ушел под воду. – Я был пилотом. Гражданские авиалинии, Аэрофлот.

– А что случилось? – напомнил я об основном вопросе. Вехи в биографии окружающих волновали меня куда меньше, чем скелеты в обгорелых автомобилях по пути на базу.

– Мира вдруг не стало, – спокойно произнес седой. – Точнее, того привычного порядка, который существовал до это-

го. Сначала отключилось электричество. Подстанции просто остановились и перестали давать энергию, независимо от того, что это, огромная АЭС или переносной дизель. Естественно, нарушилось авиасообщение, радиопередача, всё. Все находившиеся в небе самолеты упали на землю. Настал конец света в прямом смысле этого слова. Сначала правительство пыталось хоть как-то урегулировать ситуацию, но уже очень скоро и оно отправилось в тартарары, а место его заняли анархия и разбой. Деньги потеряли ценность. Я имею в виду их бумажный эквивалент. Золото еще в ходу, так же, впрочем, как и серебро с драгоценными камнями, но ценней всего вещи, то, что не пострадало и работает до сих пор.

– А такие остались? – не особо веря в слова Захара, поинтересовался я.

– Кое-что есть, – кивнул тот. – Электричество в нашем доме от дизеля. Горючку берем из бензовоза с базы, а сам генератор пришлось брать с боем четыре года назад, и пока, тьфу, тьфу, – седой поискал глазами дерево и, присев на корточки, постучал по валявшейся ветке, – не подводил. В общем, перестало функционировать всё. Спутники связи, болтавшиеся на орбите, превратились в горы мусора. Несколько лет мы даже не знали, что происходит во всем остальном мире. Многие думали, что это то ли нападение американцев, то ли десант инопланетян. Однако месяцы шли, а зеленых человечков не наблюдалось, а через некоторое время

на единственный рабочий приемник удалось поймать сигнал из Вашингтона. Дошел он чудом, а из сообщения стало понятно, что Штаты в той же жопе, что и мы. Одно, впрочем, осталось неизменным.

– И что же?

– Оружие. Разные умные ракеты и прочая техника тоже накрылись, но старые добрые АК работали все так же споро, и наступило время военной диктатуры. Те, кто имел доступ до складов РАВ, быстро смекнули, что к чему, и неплохо приподнялись в то время, но и их правление было недолгим.

– Что случилось потом?

– Да ничего. Обычный круговорот вещей в природе. На смену человеку с оружием в руках шагнул человек разрушающий. Пси-бойцы, сила которых сначала вообще не поддавалась никакому объяснению. Многие почувствовали в себе эти возможности существенно раньше, но контролировать не умели и погибли от своих выходок. Другие, смешно сказать, не обращали внимания, но потом нашлись и предприимчивые.

– Вроде тебя?

– Вроде меня. – Захар кивнул и потянулся за сигаретой.

– А что за сила такая?

– Да пес ее знает. – Седой щелкнул зажигалкой. – Никто ее не изучал. Нет ни возможности, ни желания. Сила эта досталась далеко не всем, а с ней удивительные ресурсы орга-

низма и регенерация в целом. Конечно, ногу или руку отрастить не получится, но, скажем, ударными темпами набрать мышечную массу после долгой болезни, это всегда пожалуйста. Процента три от оставшихся в живых после мясорубки, но и их хватает с лихвой. Многие, понимая свою уникальность, сбиваются в команды. Другие же, наоборот, действуют сольно, не желая примыкать ни к одной из существующих ныне группировок. В общей своей массе бойцы делятся на четыре вида. Фризы вызывают резкое понижение температуры окружающей среды в заданном участке пространства. Пыры проделывают все то же, однако температуру повышают. Вольты, насмешка над грудой нерабочих гаджетов, проецируют электрический заряд.

– А сканеры?

– Что-то вроде ищейки и детектора лжи одновременно. Могут смотреть пространство на предмет нахождения себе подобных, могут читать мысли, но сами слабы и требуют защиты. Я их называю шахматными королями.

– Я слышал про проглотов. – Вспомнил я недавний разговор. – Они кто такие?

– Проглоты, – Захара перекосило от отвращения. – паразиты, пиявки, отребье. Если ты нарвался на такого, а как правило ходят они группами и нападают исподтишка, пищи пропало. Беги сломя голову. Если настигнут, высосут весь резерв и, что удивительно, смогут им некоторое время пользоваться. Пси-боец же, лишившись резерва целиком, как пра-

вило, умирает.

– Одно другого не легче. – Я осторожно опустился на траву и вновь провел рукой по бритой голове.

– Что такое резерв, тебя интересует? – Захар присел рядом и, выпустив струйку дыма, отправил сигарету в свой последний полет. – Предел, на котором могут работать нам подобные. Наташка, вольт по-нашему, генерить удар способна минуты две. Как правило, этого более чем достаточно, чтобы отпугнуть нахала. Но если вздумает работать дольше, быстро почувствует последствия на своей шкуре.

– А я? Что со мной?

– Ты уж, Андрюха, не обижайся, но среди нас ты вроде белой вороны, – добродушно поделился Захар. – Не вписываешься ни в один из вновь сложившихся стереотипов.

– Не понял, – честно признался я.

– Генка, сканер наш, видит все особенным взглядом, – тем же доверительным тоном продолжил седой. – Смотреть он может далеко, и образы, что срисовывает, на обычные картинки не похожи. Скажем, засечет фриза. Тот вроде синего облака. Пир больше красный. Брат-сканер вроде размытого белого пятна. Ты же вроде радуги.

– И что это может означать? – нахмурился я.

– Ретранслятор, – просто, как само собой разумеющееся произнес Захар. – Подобный спектр был у одного моего давнего знакомого. Никчемный был человек. Мелочный, злопамятный, ленивый. Силу, впрочем, поимел необыкновенную,

и согнуть бы ему в этой кутерьме, коли не она. Ретранслятор принимает удар противника, но не просто так, а впитывает его в себя. Скажем, напал на тебя фриз, попытался мозги выморозить. Ты его удар перехватил и ответил тем же холодом, но в разы больше. Стандартная штука. Принятие сигнала, его усиление и передача дальше. Вот такие, брат, пирожки.

– Интересно.

Откинувшись на спину, я закинул руки за голову и закрыл глаза. Ну что я мог сказать в ответ на эту странную историю. Да ничего. Бред, горячечный бред. Сборище сумасшедших. Валить нужно отсюда, но вот только куда? Скелеты в машинах смущали еще больше, чем нахождение в обществе людей с поехавшей крышей. Впрочем, жаловаться пока было не на что. С противоположного берега доносился запах шашлыка, алкоголь приятно дурманил голову.

– Проверку пройти придется, ты уж извини. – Захар чуть виновато улыбнулся и, присев рядом на скамейку, потянулся за сигаретой.

Погода стояла замечательная. Пахло лесом, дровами, с кухни доносился приятный запах жареного картофеля. Не больше, не меньше – идиллия, отдых в деревне. Сейчас, когда я сидел на скамейке около общего дома, являющегося спальней, медпунктом и оружейкой одновременно, набросив на плечи старенький бушлат и любясь красным, почти

багряным солнцем, уверенно закатывающимся за горизонт, в конец этого мира верить не хотелось, но чем больше я об этом думал, тем глубже погружался в собственные черные мысли.

– Что? – Я потянулся за сигаретой и, прикурив от зажигалки седого, провел по голове ладонью, ловя себя на новом ощущении щетины под пальцами.

– Сканировать тебя надо, ты уж извини, – вновь повторил Захар. – Непонятки эти с картой. Будто нарочно подброшена. Не возражаешь?

– Ты что-то упоминал про копание в мозгах, – нехотя напомнил я. – Это опасно?

– Ну, все опасно, коли делает это профан, – нехотя сообщил мой собеседник, стряхивая пепел с сигареты. – Но Генка – сканер знатный. Один из самых сильных на данный момент. Больно не будет. Обещаю.

– А сам механизм?

– Вон Генка идет. Он сам тебе и расскажет.

Действительно, из-за сарая вывалился помятый Геннадий-сканер, злой на весь мир, с жуткой головной болью после утренней пьянки, и, на ходу поправляя одежду, неуверенной походкой направился, нашу сторону.

– Привет честной компании, – поприветствовал всех сканер, заодно обдав молодецким перегаром такой крепости, что впору было закусывать. – Как дела?

– Да уж получше, чем у тебя. – Я хмыкнул, пытаюсь опре-

делить степень протрезвления рыжего, но по его лицу и мутным глазам сложно было сказать что-то определенное. Язык не заплетается, с ног не валится, людей узнает. Уже, как говорится, хорошо.

– Наш общий друг, Андрей, спрашивает про сканирование воспоминаний, – произнес Захар.

Генка угнездился на свободное место и, кивнув, обхватил голову руками.

– Похмелиться бы, – мечтательно произнес он, но Димы с трофейным спиртом рядом не было, а запасами рыжий обзавестись явно не удосужился. Страдал, в общем, сканер, ну да бог с ним. Никто ему насильно огненную воду в глотку не вливал.

– Так что насчет механизма? – Я легонько подтолкнул Геннадия локтем, и тот, вынырнув из пучины собственных страданий, попытался сфокусироваться на мне.

– Простая схема, – пожал он плечами. – Объяснять действие не берусь. Сам не знаю, как эта чертовщина работает, но если переборщить с напором, мозги в кашу превращаются. Мы, собственно, от остальных пси-бойцов и отличаемся тем, что воздействие свое дозируем. Происходит же это следующим образом. Я выделяю объект и начинаю шаг за шагом проходить по слоям ауры, одновременно задавая вопросы. Тишина нужна для этого и покой, иначе ничего не выйдет. Вот, вопросы задаю, ты на них отвечаешь. Чем глубже слой, тем более верная информация. Соврал, аура реагирует,

и я это вижу. Вообще, если согласен, так хоть сейчас.

– Проспись сначала, – сурово нахмурил брови седой. – От него прикуривать можно, а он все одно, в мозги.

– Ну, как скажете. – И стрельнув у Захара сигарету, рыжий удалился прочь неуверенной походкой.

Много мне в тот вечер рассказал Захар, еще о большем умолчал. Да и сам разговор получился вроде исповеди. Монолог, одним словом. Фамилия у седого была Синицын, родился в Ленинграде в трудные послевоенные годы, когда страна поднималась из руин последней глобальной катастрофы под названием Вторая мировая. Учился, родился, женился, вехи биографии можно было смело выбросить из памяти, но последние несколько лет его жизни стали для меня откровением.

– В тот день был у меня выходной. Встал, пошел в ванную, морду побрить. Ленка моя в тот день улетела в Алма-Ату, стюардесса она была. С тех пор не знаю, жива ли. – Захар на секунду замолчал. – Включаю свет, ноль реакции. Бритву, а она не пашет. Матюгнулся, начал бриться так, одноразовым. Потом телек пощелкал, та же байда, что и с бритвой. Микроволновка, радио, телефон. Ни один прибор. Оделся, вышел на улицу, а там чуть ли не война. Дымом с севера пахнет, автобусы встали. Куча народа около своих машин под капотами копаются, завести не могут.

Двинул в магазин, а там очереди, и цены вздули. Ничего понять не могу. Потом прибыли военные. В основном

пешочком, но кое-кто и на технике. Собрали всех в кучу и сказали, что все плохо. Вводится, мол, комендантский час и прочие прелести. Объяснять толком ничего не стали, однако намекнули, что коли у кого за городом что есть, вроде дачи, лучше бы отбыть туда до особого оповещения, ибо в городе туго будет. Проблемы не заставили себя долго ждать. Холодно, воды нет. Некоторые принялись прямо в квартирах на мангалах костры разводить. Сразу пошли пожары, но тушить их никто не спешил. Бывало, квартира загорится, и понеслось по дому. Успели водой залить, хорошо. Но где же ту воду возьмешь? В кранах-то ее нет, а питьевая на вес золота.

Позже оказалось, что какие-то машины завести получилось, и началось массовое бегство из города. Уезжали даже те, у кого и своего угла-то не было. Брали запасы, палатки, и валили к чертовой матери. Всякую походную снарягу на тот момент было достать сложнее, чем красную икру во времена перестройки.

Потом оружие у людей начало появляться. Сначала милиция на большую дорогу вышла, потом военные. Продукты начали подходить к концу, а те, кто имел доступ до продовольственных складов, быстро прочухали, что к чему. Деньги вскоре и вовсе ценность потеряли. В ход пошло золото, серебро, а самое главное, то небольшое из электроприборов, что еще кое-как, но пахало. Но и это было сложно. Попробуй определи, что пашет, коли электричества нет.

Началась банальная гражданская война. Дрались за теп-

лые вещи, за лишнюю пару сапог. За батон «Подмосковного» в парадной зарезать могли. Военные еще как-то трепыхались поначалу, создавая иллюзию порядка, но потом быстро сдулись и отошли на свои военные базы. У них хоть продуктов было валом и патронов полно.

Мир раскололся на тех, у кого есть ствол, и тех несчастных простаков, у кого его не было. Творился сплошной беспредел. Можно было выйти за дверь собственной квартиры, чтоб заработать на пайку хлеба, и получить по голове. Очнулся, а ты уже в фургоне, связанный по рукам и ногам, и едешь торф копать в добровольно-принудительном порядке.

Конечно, не сразу все это началось. Постепенно. Год, второй, третий. Время шло, а просвета не было. Многие отчаялись. Прокатилась война самоубийств. Труп с вскрытыми венами, или кто по асфальту размазанный, то обычное дело было. Кто не мог торговать силой или разумом, начал торговать телом. Работорговля и проституция, самое то. Находились и те, что наркоту продавал в открытую, но тех местные авторитеты быстро поприжали. Вообще, с приходом бандитов, охранять-то их теперь было некому, многое встало на свои места. Паханы разбили город на сектора, распределили зоны влияния и огласили некие правила, по которым приходилось жить. Например, заработал ты на рынке полкило хлеба. Отдаешь треть смотрящему. Не отдал, и тебя на этом поймали, больше в жизни на рынок не пустят, и живи, как хочешь.

С электричества перешли на дрова, уголь, торф. Все, что, так сказать, гореть могло. Умельцы наладили поставку продовольствия из области. Земля, она и сейчас плодоносит, и те фермерские хозяйства, что раньше функционировали, и сейчас на плаву. Разве что личной армией обросли да егозой по периметру.

Потом появились пси-бойцы. Ну, ты о них знаешь. Каждый по-разному на сцену вышел. Кто обидчику мозги вскипятил, кто подводу с хлебом ограбил, охрану выморозил. Когда поняли, что к чему, то-то шороху началось.

– А ты? – перебил я Захара. – Ты когда понял?

– Даже не знаю. – Захар снова замолк, и на этот раз его молчание продолжалось существенно дольше. – Просто так получилось. Возвращался с рынка вечером. Работы тогда получилось много, но и заплатили прилично. Три банки тушенки и хлеба кирпич, неделю жить можно как король. Поделился, знамо, со смотрящим, ну и наострил лыжи до квартиры, а на самых подступах меня какие-то залетные и накрыли. Сам не успел опомниться, как вокруг ледяные статуи с расколотыми черепами, а внутри ощущение... ну даже не знаю. Будто все можешь. Испугался сначала, но потом сообразил и сделал ноги. Три дня после отлеживался, в себя приходил, а заодно вспоминал, что произошло. Так вот и покатило. Сначала осечек много было. Силы до пупа, а дозировать ее не получается. Раз попробовал – час без сознания. Дров, в общем, наломал. Но, как говорится, наострил-

ся. Потом был период безудержного веселья. Не поверишь, ударился в разбой. Приоделся хорошо, вискаря себе элитного набрал, хамона. Творил беспредел и разруху, но потом пришли люди и объяснили, что к нему.

Осторожно оттянув воротник куртки, Захар обнажил уродливый шрам от ожога, от вида которого меня передернуло.

– Противно? – хмыкнул он. – У меня таких много. Сам порой поражаюсь, как жив остался.

– Тоже пси-бойцы приходили? – осторожно поинтересовался я. – Вроде нового порядка?

– Шутишь? – хохотнул седой. – Нет, конечно. Шавки просто, подручные. Комендант прислал. Представляешь, объявился в городе некий ферзь из наших, но с удивительной способностью возвращать все сторицей. Сколотил группу из таких же отмороженных и планомерно, один за другим, искоренил всех авторитетных паханов, а с ними и их бригады. Кого пожег живьем, кому внутренности выморозил, а кому в назидание мозги высушил и по городу отправил гулять. Человек был явно староформатный, военный. Люди говорили, что мочил он уголовников весьма грамотно, в лоб не атакуя и на огневой контакт не выходя, да так ловко, что со стороны нападавших ни одной жертвы.

Вот меня к нему и притащили тогда, пожженного да в болевом шоке. Прозвище у него было замечательное, Ханой. Ввиду сентиментальных чувств назвал он себя так, в честь

прошлых заслуг. Был он свое время военным консультантом по диверсионной работе в одной восточной стране.

– Откуда знаешь? – удивился я.

– Да много я про него знаю. – Захар плотоядно оскалился. Зубы у фриза были гладкие, ровные, отнюдь не по возрасту. Такими бы да в глотку недругу, и грызть, рвать, чтоб кровь и ошметки мяса во все стороны... я поспешно отогнал от себя это наваждение, а седой, не заметив моего замешательства, продолжал свою скорбную исповедь.

– ...сосед это мой оказался. Ты не поверишь. Я даже не помню, как звать-то его. Пару раз во дворе около гаражей пересекались, пиво с другими мужиками пили, судачили о разном. Знаю о нем одно. Мелочен, злопамятен, ленив. У такого снега зимой не допросишься. В общем, разошлись мы с ним кое-как. Предложил работать на себя, как очухаюсь, на кабальных условиях. Тактика у него была такая, зажать в угол и предложить единственный, по его мнению, выход.

– А ты?

– Отказался. Что я, шавка подзаборная, ишачить за здорово живешь, да питаться объедками с барского стола? Годы руками работал, знал за что, а тут дело другое.

– И что же? – улыбнулся я, поплотнее закутываясь бушлат. Заметно стемнело, да и ужин давно был готов. – Характерами не сошлись?

– Ну почти. – Захар бросил окурочок на землю и с видом

мстительного корсиканца втер его каблуком в землю. – Ханой беспредельщик и садист. Власти много, дорвался-таки. Всю жизнь мечтал повелевать, и тут такой шанс представился. Вроде и рулил Ханой в какой-то конторе, но там были рамки. Тут же ограничения отсутствовали.

– А что потом?

– Пришлось уходить из города, – просто пояснил седой, пожимая плечами. – На нем свет клином не сошелся. Сначала Ханой чувствовал себя безнаказанным, но потом отщепенцы, пси-бойцы, не пожелавшие плясать под его дудку, стали сбиваться в отряды и начали представлять силу, с которой приходится считаться.

– А как вы зарабатываете на хлеб насущный? – с интересом спросил я. – Шашлык вон, картоха, шматье новое да электричество. По нынешним меркам почти удел королей.

– Так и есть, – улыбнулся седой. – Жируем. Когда я сюда пришел с первыми бойцами, здесь разве что мышь не повесилась. Потом начали перебиваться помаленьку, ибо большая дорога стала интересовать тем меньше, чем большую силу каждый из нас в себе ощущал. Начали предлагать услуги конвоя, стали ходить в закрытые города за хабаром. Много чего делали, но истинный источник благосостояния в другом.

– И в чем же, если не секрет?

– Секрет, не секрет, а даже если и расскажу, то продать не сможешь. – Губы Захара расплылись в улыбке, и морщи-

нок в уголках глаз у главы поселения заметно прибавилось. – Схрон один есть, военный бункер. Так получилось, что дорогу к нему да код от двери знаю только я. Вскрыть его по-иному невозможно, а любая попытка взлома блокирует портал напрочь, да и не важно это. Главное, он действующий и забит разными ништяками. Все они рабочие, все, понимаешь?

– С трудом, – честно признался я. – Но ты что-то говорил про закрытые города.

– Позже. – Захар встал со скамейки и, одернув куртку, шагнул по направлению к дому. – А лучше завтра, на свежую голову, так сказать. Поговоришь с Геной, потом ко мне. Пока же пошли внутрь. Ужин стынет.

Второе утро в общине боевых телепатов прошло в тягостном ожидании рандеву с рыжим Генкой. Сканер таки добыл себе ударную дозу спирта и теперь, не желая просыпаться, матерился во сне и тянул одеяло на голову.

– Алкаш. – Дима брезгливо повел носом, спешно открывая нараспашку окно в комнате рыжего. – Это надо было так нажраться.

– И что же мне теперь делать? – Я с сомнением топтался на пороге, ожидая дальнейших инструкций от нового знакомого.

– А ничего. – Дмитрий снова затормошил Гену, тряся его за плечи, но и эта, третья по счету попытка не увенчалась

успехом. – Сейчас завтракать пойдем. Сегодня гречка с тушнякам, а потом можешь с нами до нейтральной зоны прокатиться. Надо встретить караван торговцев и проводить его до границы области. От нейтралки, то Захарова зона, так что работа наша. Заодно шашлык отработаем.

Признаться честно, перспектива находиться в четырех стенах мне не улыбалась, да и предстоящий контакт с живым с похмельным детектором лжи особой радости не доставлял, так что я с радостью согласился. Быстро закинув в себя положенный продукт и спешно поздоровавшись с остальными членами группы, мы вывалились во двор и пешочком отправились в гараж.

Группа Захара жила по нынешним меркам богато. Помимо «Нивы» нашелся старенький «Мерседес» с дизельным движком и в меру пошарканная «газель». Вся техника была на ходу.

– «Ниву» возьмем, – решил Дмитрий. Толкнув дверь в будку охранника, он некоторое время припирался с худым стариком в рабочем комбезе, а затем, довольный, бодро топтал в сторону «Нивы», вертя на пальце брелок с ключами. – Вот Петрович, вот жук, – поделился он со мной, запрыгивая на водительское сиденье. – Не хотел машину давать. Мол, в путевом листе за подписью Захара нас нет. Еле убедил.

– Строго у вас тут, – улыбнулся я.

– А ты что думал? – Дима повернул ключ зажигания и с

сомнением устоялся на температурную стрелку на панели приборов старенького автомобиля. – Это только кажется, что все хорошо и здорово. Если там машину потеряем, Захар нам с тобой головы оторвет в прямом смысле этого слова. По области машин пятьдесят осталось на ходу. Бензин тот же, или дизель, – кивок в сторону поблескивающего лакированными бортами «Мерседеса», – тоже стоят немало.

– Например?

– Ну, литр бензина это две краюхи хлеба, полмагазина для АК или девка на ночь.

– Ну и расценки у вас, – в притворном ужасе я покачал головой.

– А что делать? – Развел руками пир. – Техники, перерабатывающей сырую нефть, в стране почти не осталось. Кое-кто пробавляется старыми запасами, кто-то пытается мастерить перегонки из подручных средств, но все это не то. Зальешь плохую горючку, полетит движло, и приплыли.

Дождавшись, пока пожилой движок прогреется до необходимого минимума, Дима стронул машину с места и, выехав за КПП, мы покатали по пустынному шоссе в сторону города.

– Работа у нас не сложная, – вещал он, уверенно ведя машину по знакомому маршруту. – Встретим караван с торговцами, они между городами ходят, сбывают и закупают то, что нужно. Они нам причитающееся, мы их по своему сектору ответственности, да так, чтоб муха не уселась.

– А что торговцы? – Когда мы проскочили на полном ходу очередной ухаб и кузов ощутимо трянуло, я быстро, под ехидным взглядом пира, пристегнул ремень безопасности и поплотнее вцепился в ручку над дверью. – неужто они не могут себе охрану завести?

– Торговцы люди расчетливые, – пожал плечами мой собеседник. – На штатного пси-бойца нужны средства, и весьма немалые, да и вряд ли кто подрядится откровенно подставлять свою голову. Штатный охранник может приболеть, уйти вразнос, погибнуть в драке с другими, подобными ему, или просто получить пулю в лоб. Хлопоты одни и разорение, а у нас каждый раз штат и каждый раз мзда постоянная.

– А мне что делать? – вдруг спохватился я, поняв, что мало того, что на местности не ориентируюсь, так еще ничего и не умею. Захар плел что-то за ретранслятора, но для меня это была филькина грамота. – Как мне-то поступать?

– А никак, – снова оскалился Дима. – Сиди себе да щеки надувай. У нас тут такая репутация, против которой мало кто поперет.

– А если нападут? – настаивал я, понимая, в какую скользкую ситуацию попал. – Ты же говорил – торговцы. Значит, куча нужного у них.

– Не нападут, – вновь отмахнулся пир. – У Захара в этих краях авторитет, и все вокруг отлично знают, чем платит тот, кто посягнет на его владения.

Чем конкретно заплатит провинившийся, было понятно

и без слов. Решив на всякий пожарный особо не выделяться и вести себя в точности как Дмитрий, я глубоко вздохнул и приготовился к приключению.

Караван предстояло дожидаться на третьем километре Московского шоссе и проводить вплоть до Новгородской области, но расстояние Дмитрия не смущало.

– Еще засветло на базу вернемся, – пообещал он мне, притормаживая на обочине.

Выбравшись из тесного, неудобного салона, мы начали прохаживаться на месте, разминая затекшие члены и поглядывая на дорогу, откуда прямо из-за поворота должен был показаться конвой с городским сопровождением, поставленным комендантом. Сами торговцы, люди деловые, ждать себя не заставили, и уже через полчаса на шоссе выскочил первый тяжело груженный «Урал» с брезентовым тентом. Рядом с ним, уверенно чадя двигателем, на крейсерской скорости следовал «багги» с тремя бойцами в кузове, а вслед за первым грузовиком появился и второй, трехосный, тяжелый, марку которого мне определить не удалось.

– В «багги» Ханоевы бойцы, – с омерзением в голосе поделился Дмитрия. Любви к подручным коменданта он явно не питал, да и они к нему почти наверняка испытывали схожие чувства, так что ситуация продолжала накаляться.

– И что делать?

– Курить. Делай, как я. Сами подойдут, сами подорожные сдадут. Если будут сидеть в машине и не выходить, с места не трогайся. Обязаны они передать все сами. То же и мы делаем потом. Если попремся вперед, значит, боимся. Трусим, слабые.

Получилось ровно так, как и предупреждал Дмитрий. Колонна встала на невидимой границе между зонами влияния, впереди, нарезав круг, остановился и «багги». Никто из него выходить не спешил. Парни в автомобиле о чем-то оживленно спорили. Со стороны торговцев осколками цивилизации слышался смех и радостные возгласы. Дмитрий стоял спокойно, скрестив руки на груди и оперевшись на капот «Нивы». Лениво, из полуопущенных век пир наблюдал да действием, не проявляя инициативы и особо не реагируя на некоторые весьма колкие шутки, отпущенные в нашу сторону. Шуточки в основном отпускались относительно наших голых черепов и сходства с известным местом, но я, подражая пиру, сделал морду «тяпкой» и, спокойно покуривая у обочины, любовался пробегающими по небу облаками.

Однако торговцы, отлично понимавшие, что время это деньги, первыми проявили беспокойство. Из головного «Урала» выскочил низенький полный тип в костюме мышинного цвета и легком сером плаще и, поправляя на ходу шляпу, засеменял в сторону «багги». На торговца он был похож мало, скорее уж на бухгалтера или банковского клерка, что, может, и было верно, до катастрофы. Теперь вот пришлось

бедняге менять специализацию.

Разговаривал толстяк с бойцами Ханоя минут пять, бурно жестикулируя и иногда переходя на сверхзвук. Те морщились и что-то отвечали невпопад. С увещеваний толстяк перешел к угрозам. Это было видно по его напряженному, покрасневшему лицу и резким жестам. Сначала толстый, как сарделька, указательный палец торговца показал в сторону грузовиков, потом в сторону дороги, визгов тоже прибавилось. Уж не знаю, что он им сказал. Может быть, пообещал вообще никогда не приезжать на рынок, или при случае пожаловаться коменданту на проволочки в дороге, но действие это возымело. От «багги» отлепился сутулый крепыш, с бледной, почти пепельной кожей и азиатскими чертами лица, и, заправляя на ходу майку-алкоголичку под распахнутой курткой, чуть пришаркивая, нехотя направился в нашу сторону.

– Здорово, – процедил азиат сквозь зубы. – Конвой принимать будете, или вы тут на пикник выбрались?

– Будем, – вынырнул из-за стены отчуждения пир, – чего не принять. Тащи документы, распишемся и расходимся миром.

Азиат удалился, а Дима, хитро подмигнув мне, вытащил из кармана мятую пачку сигарет и довольно закурил.

– Все так, – усмехнулся он. – Странно, что про тебя вопросы задавать не стали, да если что, не их это дело.

Вскоре азиат вернулся, а с ним, семена на полусогнутых,

явился и толстяк-торговец с лоснящимся лицом. В руках у телепата имелся лист, на котором чьим-то размашистым почерком виднелась резолюция, а поверх нее самая объжновенная печать.

– Груз проверять будете? – ехидно поинтересовался парень у Димы. – Может, наркоту везут, может, людей...

От этих слов торговец гневно фыркнул и, картинно приняв позу гордого и обидчивого горца, отвернулся, однако из разговора не выпал.

– Коли б моя воля, – тихо зашипел толстяк, – то я бы на рынок не ногой. Вот вы где мне, вот, – пухлая ручка ударила в районе кадыка, и глаза торговца свернули таким испепеляющим огнем, что азиат съежился и отступил на пару шагов вперед, но вовремя спохватился.

– Остынь, пухленький, – криво усмехнулся он, когда Дмитрий поставил в документах последнюю подпись, а затем, передав копию расписки на клочке бумаги, спрятал под дорожную в карман. – Как Ханой сказал, так и будет. А станешь ерепениться, быстро ощутишь, что такое на северо-западе не торговать.

Остальные бойцы коменданта, даже не потрудившись выбраться из маленького юркого авто, с наглыми ухмылками на рожах наблюдали за нашей перепалкой.

И тут нахлынуло. Мерзкое колющее чувство, как змея, вынырнуло из-под холодного камня и, стелясь по земле, двинулось в мою сторону. Натурально так получилось, есте-

ственно. Грешным делом подумал, будто мерзкая гадюка или еще какая тварь.

– Падай, – Дмитрий толкнул меня в плечо, и над моей головой, а точнее в том месте, где она до сих пор находилась, прошелся мощный электрический разряд, от чего волосы на всем теле встали дыбом.

Ругнувшись, пир перекатился за колесо «Нивы» и, стиснув зубы, ударил, да так, что воздух вокруг зашелся, заколыхался жарким маревом. Огненный хлыст взметнулся в воздух и что есть силы обрушился на «багги», где секунду назад находился наш противник, вот только автомобиль уже был пуст.

– Что происходит? – попытался спросить я, но кинувшийся на меня раскосый парламентар уже вцепился руками в горло, стараясь сломать кадык. В общем, было не до разговоров. Кровь бухала в висках, смрадный запах гнилых зубов ублюдка бил сильнее любого электрического разряда. Пришлось драться, да так, что никогда бы про себя не подумал. Первый удар по ушам вызвал у противника легкое недоумение, но хватка немного ослабла, что позволило протолкнуть в травмированное горло немного воздуха. Затем сознание будто отключилось, и место эмоций и растерянности заняла холодная ярость. Почувствовав, как внутри зарождается бешенство, я скрипнул зубами и, с легкостью оторвав руки азиата от горла, отшвырнул его в сторону. Встав, я медленно отряхнул одежду и, встретив новую атаку противника

в лоб, резким прицельным ударом прошелся ребром ладони по кадыку. Услышав мерзкий хруст и увидев, как, закатив глаза, мой враг оседает на землю, будто мешок картошки, я шагнул вперед и, не обращая внимания на крики Дмитрия, выбрался на шоссе.

Секундное замешательство троих оставшихся тут же разрядилось жженым азотом, и две голубые молнии, чертя по асфальту черные полосы, устремились в мою сторону. «Что я делаю?» – мелькнуло у меня где-то внутри, но ярость, первозданное, дикое чувство, сметая весь тот хрупкий налет цивилизованности, толкнула меня вперед.

– Приплыл, – услышал я вой моего товарища, и мощный удар тока, призванный сжечь, испепелить, оставить от меня горстку черного склизкого пепла вперемешку с сажей, врезался в мою плоть.

Воздух вновь колыхнуло. Это позади меня, придавив азиата коленом, атаковал Дмитрий, заставляя нападавших вжаться в землю. Молнии посыпались со всех сторон, и день сменился ночью, а потом вновь днем, лишая солнечный свет своего блеска. Рев, ураганный вой огненного смерча, рванувшего вперед, встретил мерцающую стену электрического удара, и волна взрыва накрыла нас невидимым колпаком, оглушая и стараясь сбить с ног. Воздух искрил, кувыркался, где-то рыкнул и разразился свинцовой смертью автомат, а в такт ему заработал пулемет торговцев. Те, не став долго ждать, побросали свои средства передвижения и, заняв по-

зицию обороны, подальше от сошедших с ума боевиков, решили причесать почву, да так, что звон гильз в один момент заглушил даже бушующий огонь.

На удивление проворно повел себя и толстяк-торговец. Вытащив из-за пазухи старенький ТТ, он ударил барахтавшегося под коленом Дмитрия азиата в висок, потом снова, а затем, перекатившись к дальнему колесу нашей «Нивы», сноровисто, почти как на учениях, начал отстреливать магазин, целясь по кустам, где укрылись два вольта Ханоя. Те, оказавшись между двух огней, пришли в недоумение. Ожидалась легкая добыча. Наверное, решили сначала положить Захаровых парней, но сомневались, и, увидев меня, решили более не раздумывать, а затем, когда разделались бы, занялись бы друзьями толстяка. Только вот промашка вышла.

Дальнейшие события разворачивались со скоростью мысли. Приняв на себя удар, я приготовился к ужасной боли, но ничего не произошло, а напротив, некий внутренний ресурс внутри меня гостеприимно принял в себя потоки ненависти и тут же молниеносно нанес удар. Резко, свирепо, почти по-звериному. Казалось, небо покачнулось, а солнце, освещавшее землю, вздрогнуло и, покосившись, попыталось уйти за горизонт. Бой кончился так же внезапно, как и начался. Вместо «багги», троих бойцов и кабины «Урала», вставшего на пути моего удара, разверзлась глубокая, метра четыре в поперечнике, траншея со спекшейся в камень землей.

Ярость схлынула, ушла в никуда, а ее место сменила усталость. Покачнувшись, я просто улыбнулся и, шагнув вперед, рухнул на асфальт, теряя сознание.

– Дмитрий... где. – Сознание вернулось резко, как будто кто-то вылил на голову ведро ледяной воды.

– В тюрьме, – зло и резко кинул Захар. Фриз сдерживался из последних сил, чтобы не пуститься вразнос, и только присутствие в моей палате Наташи сдерживало его от матерной брани. – Идиоты, – цедил он сквозь зубы. – Дебилы умалишенные. Ну ладно этот дурак. – Я приоткрыл глаза и с удивлением увидел выставленный в мою сторону указательный палец командира. – Но Димка! Ну как, скажите мне, можно было тащить зеленого бойца, пусть хоть и дури у него на троих хватит! А ты, ты, Артем Эдуардыч...

Я обернулся и с удивлением увидел толстого торговца, болтавшего ногами на высоком табурете.

– У тебя же уже не седых волос не осталось, а такого подвоха не почуял.

– Не ярись, – Артем Эдуардыч спрыгнул со стула и засемянил через комнату. – Ты мне и так грузовик теперь должен. Твой боец пожег, хоть и не спорю, удовольствие мне эта драка доставила немалое. Тварей Ханоевых положил, будто мух ладонью прихлопнул. Они его бьют, а он улыбается, и знай волна за волной зачерпывает. Потом как хрястнул – и ниче-

го. Хорошо хоть парни мои из кабины убрались.

Дела же после моего фееричного обморока разворачивались следующим образом. Дождавшись пока воздух успокоится, Дима выбрался из оврага и осторожно, готовый в любой момент рухнуть на землю, направился в мою сторону. Драться он больше не мог, точнее уже не мог себе позволить. Немалый запас энергии пир исчерпал в первых двух заходах, а когда я принимал основной натиск на свою буйную голову, огрызался резкими всполохами да глушил азиата.

Остановившись около черной траншеи, пир присел на корточки и с сомнением дотронулся до черной, матовой поверхности.

– Гладкая, – резюмировал он. – Как стекло. Гладкая и холодная, будто лед.

– Товарищу своему помощи, – толстяк поднялся с земли и, убирая на ходу пистолет, затрусил в сторону колонны, поминутно хватаясь за голову при виде «мертвого» «Урала». Вскоре оценили ущерб. Машина восстановлению не подлежала, о чем толстяк незамедлительно и сообщил пиру. Сгорели пару ящиков с консервами. Как они вообще могли гореть, торговцы сказать затруднились, однако сам факт порчи имущества был налицо. Хорошо хоть шли налегке, так что прочие товары спокойно перебросили в свободный грузовик.

Травмированных тоже не наблюдалось. Несколько ссадин и ушибов. Кто-то особо любопытный лишился бороды

или шевелюры, но вся честная компания отделалась легким испугом.

– Почему они атаковали? – Дмитрий, казалось, обращался в никуда, однако вездесущий толстяк уже тряс бумагами и требовал предстать пред светлы очи Захара.

Проверив мой пульс (мне в тот момент было весьма неплохо в отключке), объясняться и подписывать бумаги пришлось тому же Дмитрию, а заодно и оказывать посильную помощь в переборке оставшегося товара.

– Грузи его. – Кто-то из торговцев помог Дмитрию и, подхватив меня любимого, перенесли и погрузили на заднее сиденье, на удивление неплохо сохранившееся после последней стычки «Нивы». У ветхого транспорта был покалечен бок и треснуло лобовое, но когда Дима повернул ключ зажигания, движок стартанул уверенно и четко.

– К Захару поедем, – резюмировал толстяк, бесцеремонно забираясь на переднее пассажирское.

– К Ханюю скататься не хочешь? – Пир в последний раз проверил мой пульс и, облегченно вздохнув, переключил внимание на дорогу.

– С комендантом разговор особый, – отрезал торговец и для убедительности взмахнул пухлой ручонкой. – Свидетелей, что его уроды атаковали первыми, выше крыши, так что, даже если полезет с разборками и начнет утверждать обратное, так ославим, что не один путь продовольственный больше по рынку не проляжет. А ты, голубь, правь прямо к За-

хару. Дело у меня к нему есть.

– Захар тебя и не примет, – попытался отвертеться Дмитрий, но толстяк был непреклонен.

– Езжай, голубь, – настойчиво кивнул он. – Да как прибудем к КПП, передай, что прибыл Артем Эдуардыч, старинный друг. Ты будешь удивлен, как скоро Захар не то что нас примет, но и колонну внутрь впустит да чаем напоит.

– Посмотрим, – просто пожал плечами Дмитрий. В любом случае сопровождение сегодня явно отменялось. Один боец был выведен из строя, второй исчерпал ресурс, да и объясниться с хозяином района по поводу ЧП следовало незамедлительно. На том и порешили, и уменьшившаяся, но воодушевленная колонна вновь двинулась вперед.

До базы добрались, когда смеркалось. Охрана по периметру уже включала прожекторы, и подъезды к базе прилежно освещались софитами, прогоняющими мрак и не дающими диверсанту даже малейшего шанса затаиться в темноте.

– Богато живет Захар, – усмехнулся толстяк, видя шарящие по асфальту световые лучи. – Забурел. Вон какие себе хоромы отгрохал. Электричества, бойцов, водки небось хоть отбавляй, а я меж тем ноги сбивай да голову свою подставляй под удар ради таких вот.

– Не гневи бога, торговец, – подкатив к периметру, Дмитрий с неприязнью окинул взглядом фигуру выделяющегося торгаша. Одет тот был занятно. Кожаные туфли на мягком ходу, плотной ткани дорогие брюки, сорочка и то, похоже,

шелковая, а уж кашне и плащ и вовсе выпадали из этой реальности. Исключением, пожалуй, была шляпа. Мятая, потертая, в некоторых местах ее виднелись прорехи, но даже шляпа, явно намекающая на статус владельца, имелась не у каждого. – Сам поперек себя шире. – И, не слушая гневные возгласы Артема Эдуардовича, отправился на доклад.

Захар выслушал молча. Почти не ярился, а затем приказал арестовать пира и отправить в подвал.

– Пусть посидит, подумает, – про себя пробубнил фриз.

Об этом я узнал уже позже, а сейчас, как главный свидетель, я отвечал на вопросы местного командира.

– Значит, первые атаквали, – в который уже раз спрашивал Захар.

– Первые, – кивал я, приподнявшись на койке на локтях. – У него вон хоть спроси.

Им являлся толстяк торговец, и, надо отдать должное, он полностью подтверждал мою легенду.

– Глупость, глупость и ничего больше. – Скрестив руки на груди, седой расхаживал по комнате. – Спровоцировали ублюдков. Те же всегда рады поживиться. На своей земле напасть не могут, Ханоевы сканеры враз засекут, а на нейтралке осмелились-таки. Да и Димка хорош. Сколько уже лет в сопровождении. Отлично рыночных крыс знает, а все туда же.

– Ты, Захар, не ярись попусту, – торговец вновь забрался на табурет, обвел комнату взглядом. – Нечисто тут. Я когда барыши подсчитывал, сам Ханой ко мне заскочил...

– Иди ты, – седой удивленно покачал головой. – Комендант, и собственной персоной снизошел.

– Ну тем не менее, – Артем Эдуардович развел руками. – Значится, зашел, посмотрел маршрут, а затем снял уже выделенную охрану и поставил этих четверых.

– Кто они, кстати?

– Да пес его знает. Азиата я видел пару раз. Он, наверное, даже не боец, так, принеси-подай, а вот трое остальных, что в машине сидели, тех я и вовсе не видел. Морды у всех уголовные, аж смотреть противно. Сколько отбросов на своем веку повидал, а таких неприятных субъектов еще не видел. Затем и вовсе чудеса пошли. Ханой прошел до ворот склада и о чем-то долго совещался с тройкой парней, а под конец, диво дивное, кажется, им деньги давал. Я из кабины рассмотреть не смог, но Васька, мой водитель, парень гластый. Клялся, что что-то желтое и круглое сначала было в руках Ханоя, а затем перекочевало к одному из бандитов. Тот зыкнул опасно да спрятал за пазуху.

– Чует мое сердце, не к добру это, – вновь покачал головой седой. Остановившись около двери, он окинул меня взглядом и обронив: – Дурак, – вышел вон, громко хлопнув дверью.

– Чего это он? – испугался я.

– Злится, – пояснила молчавшая до этого Наташа. – Он всегда злится, когда что-то не понимает. Но думаю, скоро все станет ясно.

– С чего ты взяла?

– Ханой просто так никому не платит. Ничего в конвое не изменилось, кроме тебя. Мысли есть по этому поводу, и в их достоверность верить неохота. Будем надеяться... – И тоже ничего не объяснив, девушка покинула мою комнату, оставив меня наедине с сидящим на табурете толстяком-торговцем.

Тот довольно хрюкнул и тоже направился к выходу.

– Обожаю загадки, – довольно поделился он, светясь лучезарной улыбкой человека, которому только предстоит самое замечательное на этом свете. – Даже горечь от безвременной утраты удивительно надежного средства передвижения не так остра, когда в жизни есть интрига.

Проводив взглядом Артема Эдуардовича, я откинул одеяло и, опустив босые ноги, обвел взглядом комнату в поисках ботинок. Надо было что-то делать. Но вот что? Этот вопрос я собирался задать седому, но сразу после того, как выясню судьбу Димы. Решено еще было обязательно заскочить в столовую и забросить в беснующийся желудок немного еды, что я и начал воплощать, как только обнаружил свои туфли с носками прямо под кроватью. Похоже, злключения мои здесь только начинались.

На кухне ко мне отнеслись осторожно. Дородная тетка средних лет, пожалуй, единственный тут человек, не обладавший каким-либо из смертельных навыков, после моих сбивчивых объяснений выдала жестяную миску с кашей, ломоть хлеба и пук зеленого лука, а после указала на дверь.

– Топай, – сурово произнесла она, кивнув в сторону выхода, и я ни нашел ничего другого, как последовать ее совету.

Выбравшись на крыльцо, я уселся и вознамерился было позавтракать, если бы не появление на горизонте моего сомнительного друга. Вынырнув, уже, наверное, по привычке, из-за дровяного сарая, Гриша-сканер, щерясь во все свои двадцать четыре зуба, бодрым шагом направился напрямик ко мне. Вида он был в этот раз приличного. Трезв, побрит и даже, кажется, пах какой-то туалетной водой.

– Здорово, – поприветствовал меня вновь прибывший и не дожидаясь разрешения, плюхнулся рядом. – Ну вы вчера учудили. Весь рынок на ушах стоит!

– Это не мы, – отрезал я, отправляя в рот добрую порцию каши. – Ханоевы бойцы все начали, а мы исключительно по инструкции.

– Ага, конечно, – произвел рыжий двойное согласие, из которого было ясно, что он мне ни на грош не верит. Впрочем, его право. Наглая рыжая морда Гришки мне тоже была несимпатична. – Но ты помни, вопрос сканирования все еще актуален, да и потом, Захар после ваших выкрутасов

злее некуда. Давно я его таким не видел.

– Ну, хорошо, Димкина вина, допустим, но неужели из-за такой оплошности да в кутузку.

– Не скажи, братка, – гаденько зашипел рыжий. – Такая оплошность жизни стоит, да и потом, никто Димку тебя на дело тащить не неволил. Положить тебя там хотели, парень, понимаешь? По тебе били, не по конвою. Понимаешь ты, дурья твоя башка? Не зря на тебя две группы вышли, ой не зря. Ханою ты нужен, живой или мертвый, без разницы. Пока тебя можно голеньким брать, так что он и старается. Нет, прав я все-таки был. Надо тебя сканить. Может, беду на себя накликали, а ты тут кашу на крылечке хаваешь и в ус не дуешь.

Я же в этом мире ничего не понимал. Пытаясь разобраться в себе, в способностях, в изменившемся мире, я все больше и больше запутывался. Верить было некому, надеяться уж и подавно, и именно потому, немного поразмыслив, я решил покинуть общину, о чем позже и сообщил Захару при встрече. Впрочем, разговор наш был не только о моем отходе, но и о многом другом.

– Сегодня был на рынке, – цедил сквозь зубы седой, откинувшись в кресле и пуская дымные кольца в потолок своего кабинета. Захар тут был единственный, у кого был собственный кабинет, отдельная спальня с душем и кладовая с одеж-

дой и боеприпасами. Что уж говорить, прав был толстый торговец. Устроился тут Захар и правда неплохо. – Был на рынке, – вновь повторил хозяин кабинета. – Говорил с Ханоем.

– И что? – наудачу поинтересовался я.

– Отрицает, – просто кивнул мой собеседник. – Говорит, что Артему Эдуардовичу примерещилось от жадности. С ним, мол, такое случается, но Артему я верить готов, а вот коменданту ни капельки.

– Что с Дмитрием?

– С ним вообще не очень понятно.

За целый день я так и не увидел пира. Замки на подвальной двери были крепки, а бдительная охрана не допускала связи арестанта с внешним миром.

– Мысли твои.

– Думаю. – Захар поскреб подбородок. – Странно все. Димка человек здравомыслящий, трижды подумает, прежде чем открытую местность пересечь без поддержки, а тут такой ляп. Посему выходит, будто перекупили его, а если так, то можно понять череду провалов в некоторых наших начинаниях.

В предательство пира не верилось даже мне, человеку, с ним мало знакомому. Захару не верилось вдвойне. Наташа, присутствующая при нашем разговоре, и вовсе отказывалась воспринимать любую информацию, пятнающую честь друга.

– Бред, – девушка тряхнула непослушной челкой. – Ну зачем ему, ради бога, так подставляться.

– А еще больший бред, что ты уходишь, – закончил за всех давно уже висящую в воздухе мысль седой. – Чего ерепенишься, спрашивается? Думаешь, всех круче? Да если бы не мы, гнил бы ты сейчас в подземке...

– ...а может и не гнил, – вдруг нахмурился я. Все эти званые друзья и новые начальники начали мне сильно надоедать. Нет, ну конечно, я благодарен за то, что нашли, помыли, одели, чаем напоили, но не буду же я теперь из-за всего этого всю оставшуюся жизнь в ножки кланяться? – Давай так, Захар. Начистоту только.

– Давай, – вдруг легко согласился фриз.

– У тебя из-за меня могут быть проблемы, хоть в сложившейся ситуации я себя виновным и не чувствую. Ваши разборки с Ханоем, пусть они вашими и остаются. Мне все это побоку. Касаемо всего остального, ну там выживания в ваших далеко не рафинированных условиях, то спорный вопрос. Пищу, кров и одежду я, знамо дело, отработаю, но вмешиваться в чужие терки, даже если я их причина, я не буду. Так и знай.

Одной из многих причин моего ухода был конфликт Ханоя и Захара за сферы влияния. Естественно, каждый из них хотел прибрать, даже не меня, а мой редкий ретрансляторский дар, в выгоду которого я верил все больше и больше, к рукам. Первым успел седой, выслав наперехват группу своих боевиков, а когда комендант понял, что птичка упорхнула, решил перевес в живой силе противника устра-

нить и даже пожертвовал ради такого дела четырех своих пси-бойцов.

Другой, не менее важной причиной стало откровенное нежелание работать хоть на кого-то в этом сумасшедшем доме. В данной ситуации нужно было спрятаться, залечь на дно, дать себе отдышаться, а затем уже лезть в разборки умирающего мира. Слишком много непонятных вещей произошло за последнее время, чтобы выбрасывать их просто так из головы. Мое появление в больнице было явно подстроено. До этого ни один сканер не мог нащупать меня, а тут аж два пеленга. Где я находился до этого? Почему моя медицинская карта имеет настоящее имя и поддельную биографию? Ответы на эти вопросы сулили многое, но самих ответов не было. Хотелось разобраться, но позже, а теперь на дно, прочь, в деревню. Туда, где меня не найдет ни один сканер.

В виновность Дмитрия я почему-то не верил. Что-то внутри меня говорило, что это если не несчастный случай, то чья-то немислимая каверза, куда умудрился впутаться пир. Окончательное мое решение об уходе зависело от ответа седого, и я спросил в лоб, глядя прямо в глаза.

– Что планируете с Димой делать?

– Нарушение инструкции, – пожал плечами Захар. – Подставил всю общину, люди могли невинные пострадать. Если бы был другой, то вздернули бы и всего делов. Тут же изгнание. Дадим вещички в руки, и пусть гуляет на все четыре стороны. С такой славой его не в один крупный отряд в об-

ласти не возьмут.

Я улыбнулся и кивнул. Решение было принято.

Сенечка искренне боялся своего шефа, так как считал его хоть и сильным телепатом, но человеком, начисто лишенным рассудка. Время становления в отряде Ханоя он не застал, но старожилы, из тех, кто выжил и до сих пор имел доступ к коменданту, поговаривали, что теперь-то он успокоился, стал, что ли, рассудительнее, а до того вел себя будто бешеный зверь. Также имелся слух, что ко всему, что произошло с этим миром, Ханой лично приложил руку и был кем-то вроде живого бога, существа баснословной силы, мифического кентавра в рукотворном лабиринте собственных страхов, жестокости и боли.

Вот и сегодня, примостившись на подоконнике, Сенечка доедал ворованную ветчину и не спешил к шефу на доклад. Да тот бы и не пустил, наверное, а если бы открыл дверь, то размазал проглоты по стенке одним только взглядом. Что-то у Ханоя не заладилось. То ли его бойцы откусили больше, чем смогли прожевать, то ли сам комендант где-то просчитался, но как сорока на хвосте принесла, погибло трое бойцов и старинный приятель Сенечки, Венька-бурят, получивший свое погоняло в зоне из-за своих азиатских корней.

– Где ты там, шельма? А ну, нахрен, сюда! – Голос хозяина сработал как удар электрошокера, и, пряча на ходу воро-

ванную ветчину, Сенечка заспешил в кабинет шефа.

– Тут я, Ханой, ну чего ты, право! Все тружусь, тружусь, глаз не сомкнул со вчерашнего дня, а ты напраслину возводишь.

Комендант был средних лет мужиком с военной выправкой, шевелюрой неопределенного цвета и глазами бешеными и страшными. С таким раз взглядом встретишься и тут же уверуешь в плохое. Мыслей Ханоя никто понять не мог. Даже самый прожженный сканер, едва коснувшись сознания коменданта, в ужасе отшатывался и замыкался в себе. Сенечка как-то спросил одного из смельчаков, что такого ужасного он увидел. Сканер ответил кратко:

– Пустота. Безысходность. – Большого из него вытащить не удалось.

Представ пред светлы очи босса, проглот был как всегда весел и придурковат, что безмерно нравилось Ханоя. Шибко умных он около себя держать не любил, но и работать с полными дебилами тоже не мог, и потому приходилось выискивать золотую середину.

– Звали, босс?

Комендант хмуро взглянул на подчиненного и, скрипнув креслом, развернулся к нему вполоборота.

– Все горло сорвал, – ехидно пояснил он. – Ну что, выяснил? Что это за фрукт?

– Естественно. Наш агент у Захара работает не покладая рук. Зовут фрукта Андрей Петрович Скворцов. Тридцать

лет. Капитан инженерных войск в отставке. Крутиков, тезка мой, опознал его по словесному описанию, а еще подтвердил, что именно пси-бойцы Захара отбили его на ничейной территории, милитаристской зоне почти, во вполне транспортбельном состоянии. Касаемо наших потерь...

– На потери плевать, – комендант грохнул кулаком по столу, да так, что стоящая на нем чашка подпрыгнула, жалобно зазвенев ложкой. – Не те кадры, чтобы о них печалиться. Ясно главное – он рентралсятор, но вот из каких, понять не могу.

– Не понял, босс, – Сенечка придал своему лицу выражение еще более придурковатое, чем в самом начале разговора. Как и любой проглот, пиявка и приспособленец, он имел недюжий ум и именно потому мог притворяться умственно отсталым. – Что значит из каких? Разве не один вы ретранслятор?

– Печально, но нет. – Взгляд Ханоя на долю секунды стал осмысленным. – Есть еще. Ты думаешь, подобные возможности даются человеку просто так? Все эти пиры, фризы, вольты, сканеры и даже твоя мерзопакостная особенность не более чем побочный эффект, как, впрочем, и нестабильная работа любой электроники. – Поняв, что сболтнул лишнее, комендант нахмурился. – Ладно, Сеня, дуй отсюда, пока кишки не выпустил, и не вздумай трепать. Ты же знаешь, я на расправу скор.

Упрашивать проглота, не понаслышке знающего крутой

прав хозяина, дважды не пришлось, и, подобострастно кивнув, он кинулся за дверь кабинета. На сегодня он был свободен. Откусывая на ходу ворованную ветчину, Сенечка спешно покинул главный корпус и, проскочив между дремлющих у входа охранников, ловко влился в плотный поток рыночного люда.

Цивилизации больше не существовало. По крайней мере, той ее части, что отвечала за быт и комфорт. Выживал сильнейший, умнейший, выносливый, а если все эти три качества соединялись в одном теле, то получался неплохой коктейль превосходства над остальными. Сенечка был только умным, за счет чего не просто выжил, а стал личным адъютантом нового правителя города, под чьим началом служило порядка сорока бойцов различных свойств и емкостей.

Чего тут только не было, на этом самом рынке. Сенечка иногда диву давался, откуда столько хабара может раздобыть простой люд. Имелись даже мясные и овощные лотки местных фермеров, где обеспеченный человек мог позволить себе шмат сала или, ну скажем, яблоко. Сочное, наливное, что тает во рту. От этих мыслей рот проглота наполнился слюной, и он ускорил шаг, стараясь проскочить все эти деликатесы современного мирка как можно быстрее. Дальше шла одежда, самых разнообразных покровов, фасонов и материалов. Тут можно было найти вполне приличную рабочую робу или деловой костюм, но за последнее торгошники ломили такую цену что у приличного человека мог случиться ин-

фаркт. Помимо старья и складских запасов, имелись и новоделы. Простые швейные машинки, в отличие от своих электронных собратьев, работали исправно, и многие умельцы, сколотив артели, ловко вписались во вдруг опустевшую нишу.

Имелись и оружейные ряды. Новенькие, еще в солидоле, автоматы Калашникова со складов длительного хранения, подствольники, ручные гранатометы, станковые пулеметы и боеприпас, и тут шла самая бойкая торговля. Псибойцами стали немногие, единицы можно сказать, а простому человеку, чтобы отбиться от бандитов, требовался верный ствол, и каждый здравомыслящий гражданин старался обзавестись таковым, чего бы это ни стоило. Вот и сейчас тут шла оживленная торговля. Пять сорок пять меняли на картошку, шесть семьдесят два давали за шмат свинины, или даже девку на ночь. Об «Абаканах» или «Утесах» вообще речи не было. Они тут стояли особняком, и только особые ценители пострелять или пустить пыль в глаза важно прохаживались мимо диковинок, надували щеки и старались сбить цену.

Рядов с электроникой было меньше всего. С десятков лотков около дальней стены рынка, и вот там действительно былолюдно. Для торговых дел Ханой расщедрился и даже выставил рабочий дизельный генератор, с трансформатором, вытасченный каким-то бедолагой из закрытого города, чтобы торгаши могли показывать работу своего товара. Цены

тут были запредельные. За лампочку десять патронов к АК, за фонарик с батарейками вынь да положь пять кило свинины или опять же девку. За телевизор с видеком, так вообще хоть сам в рабство иди. Однажды трое фризов пригнали на рынок новенький «Лендровер». Стопроцентно рабочий, блестящий, кажется, даже сиденья были в полиэтилене. Командант явился сам поглядеть на этакое чудо и в итоге машину купил, а парни после сделки будто испарились. Еще через неделю автопарк Ханоя пополнился тремя новыми работающими автомобилями и одним фургоном марки «Фиат».

Был на рынке и угол невольничий, и покупателей там было не много. В основном появлялись на несколько минут, набегом, выбирали людей для тяжелых работ, владелец отцеплял несчастного от стойла и давал новому хозяину в руки цепь. На том и расходились. Были тут и должники, и в край опустившиеся. Пригодные для тяжелых работ, но тупые. Гуляющие девки, задолжавшие своим смотрящим по вольности, воры, грабители, погоревшие на деле. Да, в общем, мало ли кто и как терял собственную свободу. В этот день Сенечка двигался именно туда. Зачем, понять было несложно. В кармане у проглота имелось с десятков патронов, и ноги сами завели его в женский ряд. Закинув руки за спину, парень двинулся по рядку, плотоядно шаря взглядом по немытым телам.

– Что изволите? – Продавец был хмур и неулыбчив. Видать, самому новая стезя не нравилась, но поделывать ничего

не мог.

– Девку бы мне, – процедил сквозь зубы адъютант коменданта города. – Почище да помоложе.

– Экий эстет, – смерив взглядом невзрачную фигуру Сенечки, торговец чуть было не усмехнулся, и только опыт бывалого торгаша заставил сдерживать эмоции. Бывало, что хорошо одетый покупатель имел за душой пару грошей, в то время как корявый замухрышка способен был расплатиться стереомагнитофоном или коровьей тушей. – Дорого такая стоит.

– Дорого не дорого, – Сенечка обвел скучающим взглядом залетного денди ряды обвисших грудей и целлюлитных задниц и тяжело покачал головой, – но что-то подходящего товара не вижу.

– А тебе зачем? – продолжал глумиться торговец, делая при этом серьезное лицо. – Кухарок у меня есть пара. Готовят так, что пальчики оближешь и добавки попросишь. Есть медсестры, массажистки, даже одна учительница русского языка и литературы, только та стара, наверное, будет.

– Не нужны мне стряпухи и медсестры. – Оскалился проглот, поняв наконец, что этот здоровый детина в кожаном мясницком фартуке попросту над ним издевается. – А коли моя плата не по нраву, то могу и у других посмотреть.

– Да что ты, дорогой, – вдруг оживился продавец, поняв, что верный покупатель вот-вот уйдет к конкурентам, оставив его без барыша. – Я же спрашиваю, для чего?! Есть и для

любовных утех. Постарше, помладше. Чистенькие они сейчас ой какая редкость. Все насквозь гнилые.

– А с чистенькими что? – оживился Сенечка, в нетерпении притоптывая на месте.

– Есть одна, – понизив голос до громкого шепота, поделился работорговец. – Только отдам ее за сто патронов к АК и никак не меньше.

– Золотая что ль? – ахнул от такой наглости парень. – А ну-ка покажи это диво! Небось, и десятка патронов не стоит.

Пока таким образом происходили торги, в дальнем конце невольничьего ряда появился человек и, чуть прихрамывая, неспешно заковылял в сторону спорщиков. Сенечка почувствовал неладное первый. Резкий озноб, пробежав по позвоночнику, заставил волосы на голове зашевелиться, а слюну во рту превратил в отравленное зелье, горькое, едкое... проглот спешно сплюнул на землю, вмиг потеряв интерес к покупке, и опасливо заозирался по сторонам. Продавец, человек, лишенный всех способностей, кроме торговых, сначала немного удивился, но, увидев побледневшее, покрывшееся испариной лицо покупателя, нехотя положил руку на прятавшийся под кожаным передником ТТ.

Сенечка срисовал незнакомца мгновенно. Сутулые плечи, длинный плащ и надвинутая на глаза шляпа. Ничего примечательного в этом парне не было, исключая разве что хромоту. Посетители невольничьих рядов делились на три кате-

гории. Первые являлись сюда по делу, окруженные охраной из людей и пси-бойцов. Появлялись внезапно, скрипя кожаными куртками и сверкая драгоценными камнями на пальцах. Закупали много, в основном для торфяных разработок или угольных шахт, а затем, расплатившись, исчезали так же внезапно, как и появились. Второй тип, в который проглот вписывался идеально, являлись хоть и в одиночку, но не скрывая своего лица. Таким было плевать, что о них подумают люди, да и большинству людей на таких вот странных типов было положить с прибором. Являлись такие, дабы удовлетворить свои черные желания, гаденькие мыслишки, потаенные мечты. Третий тип, те, кто посещали рабовладельческий рынок из чистого любопытства. Такие ничего не покупали, ничего не спрашивали у надсмотрщиков, а просто пялились на невольников, будто на диковинных зверей, в душе радуясь, что не стоят сейчас на их месте. Лица, эти люди, как правило, прятали, да и походку старались изменить до неузнаваемости, из-за чего местные завсегдатаи прозвали их хромунами. За глаза, впрочем, звали, а в лицо, вот так вот, стоя на расстоянии удара, звать боялись. Да те и внимания ни на кого не обращали. Пришлые были и все. Являлись по своим делам, тихо и мирно, и так же беспроблемно исчезали.

Однако пришелец был не из таких. Он не прятался, не сторонился солнечной стороны и вроде бы даже не замечал, что творилось вокруг. Он просто шел вперед, к только одно-

му ему видимой цели. Остановившись на полдороги, метрах в тридцати от продавца и Сенечки, «шляпа» кивнул и просто, по-мальчишески, поманил проглота к себе.

– Это меня, – пискнул тот, сплевывая на землю горькую слюну. – Вернусь скоро. – И под недоумевающим взглядом работорговца «паразит» заспешил к незнакомцу.

Когда расстояние между странным гостем и Сенечкой сократилось до метра, тот остановился и с ожиданием во взгляде вытянулся в струнку, будто прилежный служака.

– Долго ты, – голос у незнакомца был мягкий, почти бархатный. Такой мог быть у дикторов телевидения, артистов разговорного жанра, любых других людей, зарабатывающих на хлеб собственными голосовыми связками, однако стали в голосе было хоть отбавляй. – Совсем нюх потерял или забыл, поди.

– Не забыл, что ты, – проглот в ужасе замахал трясущимися руками. – Но хожу по лезвию, ей-богу. Если Ханой узнает, что я для тебя тут делаю, кожу с живого сдерет и сожрать заставит. Он ведь может, я видел такое.

– Не узнает, если делать будешь с умом, – незнакомец тихо рассмеялся и еще плотнее нахлобучил на голову шляпу. – Все выполнил? В точности так, как я говорил?

– Сделал в лучшем виде, – снова затараторил Сенечка, глотая слова. – Как ретранслятора обнаружили, так сразу весточку Захару послал. Потом с Димой, с этим преподобным повозиться пришлось, но благо он уж и не вспомнит, а пол-

колонны тот парень положил.

– И что теперь? – поинтересовался незнакомец. – Как теперь себя Ханой и Захар поведут?

– Понять, как поведут, дело нехитрое, – гаденько усмехнулся проглот. – Захар-то думает, что его бойца купили. Ханой же, наоборот, решит, что все у него на мази. Только с калибром промашка вышла. Только вот не пойму, зачем это все тебе. Неужели ты хочешь этих двух сравить? Да не выйдет. Ханой хоть и крут, но войну из-за наемников развязывать не будет. Да и Захар максимум турнет своего пира со двора да другого наймет.

– Надо тебе уходить, – прервал незнакомец изливания Сенечки на полуслове. – Дам машину и ствол. Уходит ретранслятор, и ты мне скажешь, куда и зачем.

– А если Ханой...

– Да успокойся, – не выдержал незнакомец. В первый раз за весь разговор в его тоне появились нотки раздражения и неприязни. – Ничего тебе твой дражайший босс не сделает, или бояться ты его стал больше, чем меня? Ну? Отвечай...

Мысль уйти к чертовой матери из «родного» коллектива при последующем обдумывании показалась не такой уж и здоровой, но отказываться от своих слов я не собирался, и потому через час после разговора с седым я побросал тот нехитрый скарб, коим успел обзавестись за эти пару дней,

в наволочку и, дождавшись пока стемнеет, выбрался во двор. Путь мой пролегал мимо окна цокольного этажа, где весь этот день находился мой новый приятель Дмитрий.

Присев на корточки около прутьев решетки, я тихонько свистнул, и в ту же секунду из темноты раздался ответный свист, а вскоре в свете луны нарисовалось и недовольное лицо пира.

– Что пришел? – хмуро поинтересовался он. – Тоже считаешь, что я тебя под петлю подводил?

– Я? – Ладонь прошла по черепу и остановилась на уродливом квадратном шраме. – Даже не знаю. Мне все эти разборки поперек горла стоят. Не успел глаза открыть, а рядом с тобой уже грызутся за кость, а той костью еще ты же и являешься. Да и не верю я, Дим, что у тебя подобные мысли были. Все доводы и подозрения за уши притянуты. Кто мог знать, что мы с тобой в сопровождение пойдем?

– Да никто, – печально вздохнула оконная решетка. – Разве что завхоз, когда ключи выдавал. То, что мы с тобой в сторону гаража топали, так туда толпа народу за день дорожку проторит. Нет. Никто.

– А с чего ты вообще решил меня с собой взять? – поинтересовался я. – Опасное же дело. Ну ладно моя дурная голова, но у тебя-то соображалка работает лучше других.

– И то правда, – замешкался пир. – Сначала и не думал я об этом. Думал Натаху подтянуть. Но сейчас, вот так думаю...

– ...будто не твоя мысль.

– Откуда знаешь? – охнул узник.

– Подожди. – Я присел на траву и, вытащив из кармана куртки папиросы, закурил. – Тут подумать надо. О фризах, пирах, вольтах и прочей братии я уже слышал. Кое-что узнал и про проглотов с ретрансляторами. Но вот скажи мне начистоту. Есть такие, что чужие мысли за свои выдавать могут? Ну, внушать на расстоянии.

– Отродясь о таких не слышал, – честно поведала темно-та. – Сканеры в голову лезут, да только и могут, что считать. Если особенность такая есть, то это не просто пси-боец, это высшая лига вроде тебя с Ханоем. Но к чему ты это?

– Да вот уйти решил.

– Сдурел?! – ахнул Дима, приблизившись к решетке почти вплотную. – Ты же один, будь хоть трижды ретранслятор, не протянешь. Либо бандиты завалят, либо под воздействие брошенных городов.

– Стой, что за города такие? Все слышу о них, но в толк взять не могу...

– ...тише. Идет кто-то.

И правда, в дальнем конце дорожки, около изгороди слышались торопливые шаги. Начинаясь обход, и мне пришлось убраться в тень кустов, чтобы охрана периметра не начала задавать вопросов. Укрывшись в зарослях, я проводил пару фризов взглядом и, для верности обождав еще пару минут, вновь устремился к окошку.

– Ну что? Я ухожу. Идешь со мной? Тебе тут больше ничего не светит, а проводник бы мне в этих местах ой как пригодился.

– Да я бы с радостью, – честно признался пир из недр подвала, – только ума не приложу, как мне к тебе присоединиться. Будем прутья ломать, шуму наделаем. С главного входа тоже не судьба, там постоянно охрана. Чтоб мимо них пройти, надо позволение Захара иметь.

– А мы что-нибудь придумаем. – Уж не знаю, что на меня тогда нашло. Бывает, говорят, шестое чувство, интуиция, но следующие мои действия не подходили не под одно из вышперечисленных ощущений. Голову вдруг посетила мысль. Ну почему, если поток энергии любого пси-бойца идет неконтролируемым, не пустить его во вполне мирное, ограниченное и управляемое русло. Некоторое количество вражеской агрессии все еще скрывалось где-то внутри меня, и, решив ей воспользоваться, я уселся напротив здания, скрестил ноги по-турецки и, прикрыв глаза, будничным голосом посоветовал стоящему напротив прутьев решетки Дмитрию: – Ушел бы ты, мил человек, куда поглубже, а то, не ровен час, зашибу.

– Совсем рехнулся, – зашипел в испуге пир, быстро убираясь в глубь подвала. – Всех положишь, меня положишь, жертвы будут. У тебя же силы, как у эсминца. Разнесешь всю хибару с бойцами на куски, да и сам погибнуть можешь...

Но я уже не слушал его причитания. Вокруг была темно-

та, мирная, почти убаюкивающая. Ощущение силы внутри меня становилось все отчетливее. Не хватало только мысленных образов, того, чем предстоит управлять. И я решил сделать все донельзя простым и будничным, дабы не напрягать травмированную голову. Резервуар с энергией, закипающей, пышущей жаром магмой, я представил в виде большого огнеупорного бака и, вместо того чтобы опрокинуть его, крутанул гипотетический кран, выпуская энергию по капле. Сначала ничего не происходило. Застыв в немом оцепенении, я все более настойчиво возводил мыслеобраз, пытаюсь не выпустить наружу грохочущую силу лесного пожара. Секунды сливались в минуты, минуты растягивались в столетия, те же, не имея истинного облика, растворялись во времени и материи вокруг меня, и, казалось, минула вечность, прежде чем я услышал восторженные повизгивания пира.

– Дык, дык... – глухое бульканье из подвала сменилось тихим ликованием.

Приоткрыв один глаз, я приготовился увидеть страшные разрушения, однако вместо оплавившегося котлована появился аккуратный круг из оплавившегося по углам камня, сквозь который, набросив на горячий еще край собственную куртку, спешно выбирался пир.

– Ничего подобного в жизни не видел, – бормотал Дмитрий, выбираясь на свободу. – Бывало, целые танковые колонны плавил, у кого дури больше, чем у остальных, поезда под откос пускали, но чтобы вот так, бац и аккуратная ды-

рочка в стене, такого не было. Ну ты, брат, даешь, ну талант! Как у тебя такое получилось?

– Долго объяснять, – отмахнулся я, вставая с земли и отряхивая брюки. – Мысли, куда пойдём, есть?

– Куда идти, мысли есть. – Вцепившись в мой рукав, Дмитрий спешно оттащил меня от дома под защиту густого кустарника. – Но вот как выйти, ума не приложу. Ты, верно, думаешь, что Захар, лапа такая, возьмет да отпустит тебя на все четыре стороны?

– И верно. – Нахмурился я. Мой уход ничего хорошего общине не сулил. В лучшем случае глупый ретранслятор напорется на вражескую растяжку и раскидает мозги по асфальту. В худшем примкнет к коменданту или любой другой группировке, готовой отдать что угодно, лишь бы заполнить такого бойца.

В своих способностях, точнее в возможности распоряжаться ими разумно, я сильно сомневался, по-честному посчитав последнюю удачу слепой случайностью. Та же отдача на шоссе, приведшая к таким разрушениям, и мне далась нелегко. Что уж говорить о том, что будет, когда мне придется вступить в открытый бой на поражение, правил которого я никогда не знал, а возможностей противника, их природы и силы не понимал и вовсе.

– Тихо пойдём, – вдруг оживился Дима. – Проскочим через гараж. Его, как правило, на замок запирают, а задние грузовые ворота на железные запоры с руку толщиной.

Охрана туда ходить ленится. Скучно там, да и простреливается участок за воротами лучше всех остальных, однако если аккуратно подпалить стеночку и пешочком, без техники, то с легкостью уйдем незамеченными.

– А потом?

– Есть у меня склад с хабаром, – вдруг смутился Дима. – Припасал на черный день, по крупиночке. Надеялся, что не пригодится, но вот как срослось.

Знал бы Ханой, как просто можно покинуть цитадель седого, пришел бы в неописуемый восторг, но мои мысли по этому поводу быстро рассеял Дмитрий.

– Ты не думай, что Захар лопух, – поделился он, уверенно передвигаясь по канаве по-пластунски в сторону бетонных ограждений гаража. – Охрана у этого логова лучше, чем у золотовалютного запаса страны. Бойцы с автоматикой по периметру прогуливаются вокруг раз в тридцать минут, каждый новый заход меняя время обхода. Также за границей присматривают пулеметчики на вышках, а сверх всего сканеры, один или два, постоянно щупают почву на предмет посторонних. Одно только но. Ищут-то они помыслы о вторжении, а у нас же наоборот, тикаем мы.

Тикать мне почему-то не хотелось, и даже мысль об отступлении казалась крамольной. В этот темный летний вечер я скорее покидал помещение, чем бежал в ночь, трусливо поджав хвост. Преодолев незамеченными путь от дома до автохозяйства, мы добрались до стены строения, и Дима впол-

не уверенно схватился за один из железных листов. Немного повозившись, он с легкостью отодвинул внешне непреодолимую преграду в сторону и, не сказав ни слова, исчез в крошечной темноте здания.

– Никого, – довольно поделился он через минуту. – Даже пост не оставили. Ну, чего ты ждешь?

Я пожал плечами и, подобрав с земли наволочку с мыльно-рыльными, поспешил внутрь. Стальной лист встал на место, и мы оказались в крошечной темноте.

– Ни черта не вижу, – честно признался я, силясь разглядеть хоть что-то в крошечной темноте, но пир уже всю орудовал у главного гейта, немилосердно гремя железом и чертыхаясь. Пара минут работы, моя посильная помощь и – вот мы уже осторожно выбираемся из здания и, скатываясь в овраг, ползем по траве в сторону шоссе. Как же все просто. Господи! Такого просто не бывает. С другой стороны, с трудом верится в то, что силой мысли можно заморозить грузовик, однако есть и это. Да и время, единственная константа в этом сумасшедшем мире, еще покажет...

С памятью творилось что-то непонятное. Обрывки воспоминаний сменялись горячечным бредом, всполохами сознания и галлюцинациями. Внешне реальные события казались миражами, в то время как несуразные, невероятные действия, рождаемые моим воображением во сне, станови-

лись реальны и почти осязаемы. Стоит только протянуть руку, и ты почувствуешь, поймешь, но нет. В последний момент призрак правды исчезал, просачиваясь сквозь пальцы, и я оставался там, откуда и пришел.

– Андрей Петрович, заждались. – Улыбчивый мужик средних лет указал в кресло напротив себя, и когда я присел, поспешил представить остальных. – Вот собственно, мы все и в сборе, – начал он. – Важность нашей работы, господа, сложно переоценить, как собственно и те возможности, что даст человеку агрегат.

Я оглянулся, с интересом изучая убранство кабинета, и в итоге оказался несколько разочарован. Не ожидал я увидеть столь скромное убранство в святая святых чиновника такого ранга. Мебель чуть ли не из «Икеи», пошарканные шкафы, покосившийся стол, того и гляди готовый рухнуть под тяжестью папок с документами, пузатый мерцающий монитор. Да уж, даже чиновники от науки не успевают откусить себе шмат дотаций правительства. Все разбирают наверху.

– Спешу представить остальных, – продолжил хозяин кабинета. – Алексей Спаржин, радиозащита и пассивное подавление.

Высокий седой мужик в старомодном костюме привстал со стула и, картинно поклонившись, опустился на свое место.

– Кравченко Денис, лаборатория ядерной энергетики. – Пухлый мужичок с жиденькими усами кивнул и зачем-то по-

ложил руки на стол.

– Платонов Сергей – яды и химические реагенты.

Невзрачный парень в джинсовой куртке кивнул.

– Все, – закончил чиновник и, потеряв руки, уселся во главе стола. – Ну, а господина Скворцова вам представлять не надо. Именно в его ведомстве ведется разработка элементов питания, квинтэссенции всего, что требуется для успешного запуска агрегата.

Дверь отворилась и в кабинет вошел кто-то еще. Мерзкий, тягучий привкус во рту, будто нажрался стальных опилок, тяжесть на душе и полная апатия, все это обрушилось на меня в один миг, сбивая с ног и напрочь выбивая воздух из легких. Пытаясь получить хоть немного кислорода, я почувствовал, что теряю сознание. Черный водоворот ненависти, надвигаясь, готов был уже накрыть меня с головой. Вот он, первоисточник всех моих неприятностей. Слепая ярость и бессилие в одном флаконе. Сила и слабость одновременно. Человек – ошибка, бракованная шестеренка в хорошо отлаженном механизме.

Я огляделся, с трудом всматриваясь в лица новых знакомых, но те не проявили ни малейшего признака беспокойства. Чиновник и вовсе даже улыбнулся и, приветливо махнув рукой, поспешил к неожиданному гостю.

– Вас-то мы не ждали, – лебезил он, спеша к выходу. – Так бы подготовились, выкладки там, графики, макет какой.

Я попытался обернуться, чтобы увидеть, к кому спешил

мужик, и не смог. Руки будто выросли в подлокотники кресла, а шея, перестав гнуться, превратилась в соляной столб. Воздуха по-прежнему не хватало. Перед глазами поплыли круги, и, с трудом разлепив пересохшие губы, я попытался позвать на помощь, но вместо крика с губ моих сорвалось тихое шипение.

– Эй, ты чего...

Сон, чертов сон. С такими кошмарами и до дурки недалеко.

С трудом разлепив глаза, я с сомнением уставился на нависшую надо мной лысую черепушку, а еще через секунду взгляд мой уперся в железную крышу старенького, насквозь прогнившего гаража.

– Ты чего? – вновь поинтересовался Дмитрий. – Плохо, что ли?

– Да нет, вроде отпустило. – Я прислушался к собственным ощущениям. Сухость во рту все еще была, но тот мерзкий привкус стальной стружки исчез. Руки и шея снова приобрели подвижность. Мир вокруг больше не казался одним сплошным капканом.

– Ты говорил во сне, – честно признался пир, присаживаясь на ветхие доски пола рядом со мной.

– А что? – осторожно поинтересовался я. – Пить есть?

– На вот. – Дима протянул мне бутылку с мутноватой водой, и я с наслаждением припал к горлышку.

– Так что говорил-то?

– Не разобрать было. – Пир поднялся и, подойдя к дверям гаража, осторожно приоткрыл дверь и прислушался. – Вроде никого.

К схрону пира мы добрались уже за полночь, осторожно двигаясь по обочине дороги по одним только Диме заметным вехам. Выбравшись на шоссе почти на ощупь, мы протопали с пару километров, пока не свернули на проселок, уходящий куда-то в поля.

– Там у меня секретик, – поделился пир, шагая рядом со мной по ухабистой, разбитой колесами дороге. – В брошенной деревне. Раньше там ферма была, а как началось все, скот весь и пал. Народ разошелся кто куда, а дома ничего, стоят.

Добрались до тайника и вовсе в кромешной тьме. Дмитрий шел легко, уверенно, ловко перескакивая через ямы и ухабы, и я в какой-то момент почти уверился, что пир видит в темноте. Однако и его все же настигла неудача. Идя привычной для себя дорой, пир таки поскользнулся в свежей луже и со всего маху рухнул в жидкую грязь.

До точки добрались вымотанные, усталые и злые. Когда появились первые дома, а из-за туч вынырнула вполне привычная луна старого мира и осветила окрестности своим неясным светом, я в который раз дался диву, как, следуя за Димой, я не свернул шею или чего похуже. По краям

проселка имелись две глубокие сточные канавы, заваленные строительным мусором и кусками арматуры, призывно торчащими вверх своими острыми концами. Сделай неверный шаг, отступишь, и не ретранслятор ты уже, а самый натуральный шашлык на палочке.

Брошенная деревня угнетала. Покосившиеся заборы, пустые глазницы окон, общее запустение и запах тлена – все это навевало не лучшие мысли, и мне в первый момент захотелось поскорей покинуть мертвое поселение. Однако Дмитрий уверенно шел вперед, по одному ему известным приметам, и вскоре мы оказались не около дома, или сарая, а рядом со стареньким железным гаражом, на воротах которого имелся такой же ветхий, побитый ржавчиной амбарный замок.

– Нам сюда, – пир спокойно прошел мимо очевидного для меня входа и углубился в колючие заросли, откуда слышалась возня и сопение, и мне не оставалось ничего другого, как последовать сразу за ним.

Кусты потрепали одежду, на щеке и ладонях остались ощутимые царапины, но через секунду я вышел на открытую площадку, вырубленную чьей-то прилежной рукой, и увидел аккуратное отверстие в стене гаража, до этого прикрытое тяжелым фанерным листом.

– Ну, ты где? – Дмитрий вынырнул из своего укрытия и поманил рукой. – Сейчас лампадку запалим, устроимся и перекусим, а затем и на боковую можно. Так вымотался

за последние пару дней, что и не описать.

Ощущения у меня были схожие. Даже не физическая, а именно моральная усталость пригибала к земле и мешала трезво соображать. Навалившиеся за последние несколько часов события не умещались в голове. Хотелось просто лечь и заснуть, но перед этим обязательно закинуть в уже напоминавший о себе желудок хоть что-то съестное.

Низко пригнув голову, я просочился в тесное, пыльное помещение моего сегодняшнего убежища и дал глазам немного привыкнуть к темноте. Ничего не понимаю, куриной слепотой, что ли, начал страдать. Сюда шел будто слепой щенок, едва различая перед собой неясный силуэт пира, а тут и вовсе ослеп. Этим подозрением я и поспешил поделиться со своим новым товарищем по несчастью.

– Это резерв, брат. – Дмитрий подпалил-таки фитиль керосиновой лампы, и неясный свет из-за закопченного стекла осветил подгнившее нутро гаража. – У каждого пси-бойца такой есть. Думаешь, как к нам смерть приходит? Кто полностью себя осушил, к тому мгновенно. Кто по краю ходит и чуток оставил, с теми чудеса и начинаются. Общая усталость, невозможность сосредоточиться и притупление основных чувств это еще цветочки.

– А ягодки?

Присмотрев стоящую в углу раскладушку, я поспешил к ней и, скинув надоевшие за день ботинки, с наслаждением растянулся во весь рост. Длины раскладушки не хватило,

и пришлось придумать позу поудобней.

– Из плохого: рвота, недержание, повышение сахара в крови, аритмия, затрудненное дыхание и еще сотни других прелестей, – довольно поделился пир. – Ну, ты пока отдыхай, восстанавливайся, а я что пожать нашаманю.

– Ага, – вяло кивнул я, уже проваливаясь в мутную пелену сна. – Только если я засну, ты меня разбуди, если что.

Надо понимать, что Дмитрий так меня и не разбудил, и, скорчившись в три погибели на крохотной раскладушке в гараже, посреди мертвой деревни я и встретил рассвет.

Чего только тут не было, в схроне хитрого пира, половину жизни проработавшего на чужого дядю, но воспитавшего в себе скопидома и поистине бережливого человека. Банки с консервированными огурцами сменялись рядами жестянок с тушенкой и фасолью. Канистры медицинского спирта подпирали бутылки с прочим горячительным, добытым Дмитрием в дальних походах и разумно припрятанным на черный день. Крупы, мука, вермишель, походные наборы из котелков, палаток, перочинных ножей и резиновых сапог. На глаза попались даже надувная лодка и парочка горных велосипедов средней потасканности, что и вовсе вызвало у меня изумление. Ну ладно, велики всегда пригодятся и горючки не требуют, но зачем тут вообще плавсредство?

Запасы теплой одежды в гараже тоже имелись, и немалые.

Несколько летних курток со стоячими воротниками, на меху, из кожи. В таких хоть в стратосферу, хоть в Сибирь, все нипочем. Нашлась и разномастная обувь от кирзовых сапог до динамовских кед. Все новое, чуть ли не с ярлыками из магазина. Вот с портками выходила промашка. Из всего многообразия бережливый Дима притащил в свою норку только упаковку джинсов «Левис», и на том ограничился.

Оружие в схроне тоже имелось и стояло особняком в самодельной пирамиде из деревянных ящичков. Четыре новехоньких АКСУ поблескивали в солнечных лучах, пробивавшихся сквозь дырявую крышу гаража опасным смертельным блеском. Приглядевшись, я понял, что оружие покрыто густым слоем странной смазки, очевидно предотвращающим коррозию и повреждение. Четыре непчатых цинка патронов и ящик гранат, в который я даже не стал заглядывать, вот далеко не полный список запасливого пира.

После моей экскурсии Дима вскрыл две банки с тушенкой и, пошарив в большом ящике, протянул мне выдавшую виды вилку.

– Ешь вот, – кивнул он, подцепляя из банки увесистый кусок мяса и отправляя его в рот. – Чую, сегодня дел не переделать.

Последовав примеру пира, я быстро уничтожил предложенное угощение, добавившись парой упаковок галет и поллитровой бутылкой воды и для верности приняв на грудь стопарик разбавленного спирта, и начал прикидывать план

действий, поминутно советуясь с новым другом.

– Почему ушел-то? – продолжал выпытывать у меня Дима. Насытившись и подобрев, пир устроился на цинке с пять сорок пять и с наслаждением закурил. – Чего тебе у Захара-то не жилось? Был бы как у Христа за пазухой на всем готовеньком. У нас же, парень, как. Наживается все потом и кровью, а теряется в один миг. Ту же «Ниву» с нейтралки я в свое время пригнал, а теперь она общаковая. Вот и думай.

– Ты веришь в интуицию? – спокойно поинтересовался я.

– Не-а, – хмыкнул мой собеседник. – Интуиция штука непостоянная. То подсказку дает, то отмалчивается, будто институтка на званом вечере. Мне бы источник информации понадежнее да поумнее.

– Умом понимаю, что ты прав, – кивнул я и, стрельнув у пира сигарету, щелкнул зажигалкой, – однако чувство есть такое, что будто кто-то подсказал. Иди, мол, своей дорогой, Андрюша, тебе с этими фраерами далеко не по пути.

– Ну, ты и пошел, – хохотнул пир.

– Да, пошел, – кивнул я. – Раньше я работал в одном НИИ. Делали мы интересные вещи, да такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Как пример, последняя разработка. Универсальный источник питания. Самовозобновляемый, вечный почти. Такого элемента хватило бы на триста лет работы, ну скажем, телевизора. Сама батарея, разумеется, была куском ничего не производящего вещества, но вот активатор заряда, черпающий запас из электромагнитного

поля земли, вот то действительно была задача.

– То есть вы хотели сделать новый источник энергии? – От изумления у Дмитрия глаза полезли на лоб.

– Не хотели, а сделали, – довольно поделился я. – Только как в любой палатке, и у нас имелись некоторые затруднения. В частности, нестабильность волны заряда в процессе заполнения емкостей. Работы в этом направлении велись еще несколькими конторами. В частности, был сектор атомных разработок. Там всю работу делали с плутонием, пытались замкнуть цикл обогащения. Радиоотдел пару копеек тоже в наши изыскания внес. И знаешь, что самое интересное... – Я замолчал и сделал театральную паузу.

– Что? – насторожился Дмитрий.

– Побочный эффект.

– Установка три, готовности пятьдесят процентов. – Я отстучал по клавиатуре и, надев защитные очки, поспешил к бункеру, в котором затаилось все высокое начальство во главе с полковником Мартовым. Пробежав аки сайгак по пересеченной местности полигона, я просочился в приоткрытую дверь бункера и, поспешив захлопнуть ее, встал к пульту дистанционного управления установкой заряда.

– Жми, – скомандовал Мамонов.

И я не спеша, с замиранием сердца потянул тумблер на приборке на себя, краем глаза наблюдая, как шкала заря-

да уверенно и неторопливо потянулась вверх, превращаясь из зеленой в желтую, а потом и вовсе становясь цвета кумача.

– Быстрее, – не терпелось моему шефу. Еще бы, в бункере столпилось столько чинов, что если собрать все звезды с их погон, то коньяк бы получился на загляденье выдержанным. И тут уж либо пан, либо пропал. Погорим, замкнет какой узел, или полярность заряда собьется, как было на лабораторных испытаниях, и баста, дадут по башке, или еще хуже. Урежут финансирование или вовсе прикроют контору. Занимались мы элементарными вещами, делали вечную батарею. С такой хоть в бой, хоть в строй, хоть в Красную армию. В плеер, пожалуйста, в радиостанцию УКВ-диапазона, да куда угодно. В компьютер, так со всем нашим удовольствием. Основная идея инновации заключалась в насыщении элементов питания путем заимствования энергии из электромагнитного поля земли. Поля этого у природы матушки было с верхом, так что позаимствовать малую толику сам бог велел. Если бы мы верно разыграли карты, то носил бы я, наверное, батистовые портянки, ел крем «Марго» да зубы золотые в два ряда вставил, но произошло в тот день ровно то, что было на стенде в НИИ в прошлый четверг. Сначала шкала заряда была стабильна, и первые тридцать-сорок секунд емкость наполнялась энергией, от чего грудь у Мамонова становилась все более выпуклой, вид важным, а китель так и напрашивался на новую награду и внеочередное звание. Однако кайф длился недолго, и уже через сорок пять се-

кунд первый датчик поля пискнул, и стрелка на циферблате, заколебавшись, резко ушла на север, забирая с собой львиную долю шкалы.

Главная аксиома спецназа гласила: «Пот экономит кровь», что в переводе на наш, гражданский означало не более чем точность испытания перед целевым применением. С приходом к руководству НИИ Мамонова пропорции пота и крови стали примерно равные, а чем ближе подбирался дедлайн, тем большие «потоки крови» проливались с испытательных стендов, как в лаборатории, так и на трех полигонах в Ленинградской области, что отдало нам на откуп министерство обороны.

Плановые испытания прошли успешно, ну почти. Разве что наблюдалось отклонение в процессе заряда батареи. Странный побочный эффект, пускающий в цикл весь процесс добычи и поглощения энергии. Сначала сбивалась калибровка, затем происходил самопроизвольный разряд, в то время как сама емкость продолжала поглощать энергию. Отключить устройство можно было либо дистанционно, что получалось не всегда, либо приходилось топтать ножками к самой установке и жать на кнопки, завершая процесс. Обычно такие счастливики, попадая под прямое воздействие, становились радостными обладателями неработающих мобильных телефонов, планшетов, электронных часов и прочих гаджетов, неблагоразумно захваченных с собой на испытание. Дальше этого, собственно, дело не шло. Сама установка была

маломощная, побочный эффект сведен к минимуму, а электронику мы научились оставлять в ящиках стола, в дальнем крыле.

Рапорты я, разумеется, по этому поводу писал. Сначала в Москву, в пору своего врио заведующего. Затем полковнику Мамонову Петру Геннадьевичу, исправному служаке с одной мозговой извилиной от фуражки. Затем снова в Москву, но мои бумажки либо возвращались ко мне с формальной отпиской, либо тонули в бюрократическом океане бланков, форм и стандартных заявок, придуманных кабинетными изуверами из того же столярного града. Сбой в работе имел место быть, и он, разумеется, проявился, не постеснявшись даже главы управления и высоких чинов из столицы.

Второй тревожный зуммер сработал через пару секунд после первого и радостно оповестил собравшееся в бункере общество об отказе датчика заполнения. Энергия шла потоковым, конвейерным методом, забираясь с одной стороны устройства и рандомно выходя с другого. Вместо вечно-го элемента питания получался силовой поливочный шланг. Начальству это сравнение приводить не стоило, и я, под бешеным взглядом Мамонова, улыбался и делал ручкой, пытаясь хоть как-то стабилизировать поток, пока не понял, что и в этот раз пульт дистанционного управления обязанности свои сдал и более в процессе не участвует.

– Что происходит? – прошипел сквозь плотно сжатые губы полковник, осторожно пробравшись между двух гене-

рал-лейтенантов, с интересом поглядывающих на электронное табло показаний. Казалось, сожми Мамонов зубы еще сильнее, и они раскрошатся будто мел.

– Как обычно, – загробным голосом сообщил я. – Я же на днях рапорт писал. Прибор раскаливается при насыщении емкости от тридцати пяти процентов и выше. Поток заряда не отсекается и не контролируется.

– Отключить можешь?

– Могу. – Я с сожалением посмотрел на свои наручные часы.

– Действуй, – рыкнул полковник.

– Побочный эффект, – я печально улыбнулся и подмигнул пиру, – а какой, пока и сам понять не могу.

– Ну да ладно, что делать будешь? – задал Дмитрий главный, пожалуй, за это утро вопрос. – Со мной-то все понятно. Пока посижу здесь, а потом, может, двину куда, в пустые земли, или к другой команде прибьюсь, хотя с моей славой теперь разве что на паперть да с протянутой рукой.

– Имя твое мы обелим, – вдруг уверенно и совсем неожиданно для себя заявил я пиру. – Это дело десятое. Главное сейчас – понять, что потом произошло.

– Потом это когда?

– Ну, после аварии. Помню, выбрался с работы, сел на мотоцикл, а очнулся через энное количество лет в палате и, за-

мечу, весьма и весьма в тонусе. Нормальный человек после такой лежки ходить не может. За ним догляд, уход медицинский, кормление там внутривенное требуется. Не мог же я все это время быть в пустой палате, пока мир вокруг сходил с ума.

– И то верно, – охотно согласился Дмитрий. – Значит, ты где-то был, а потом тебя подбросили.

– Как вещь, – усмехнулся я. – Однако с этим тоже позже. Смущает еще и то, что в моей медицинской карте имя-то подлинное, так же как и возраст, а вот биография чужая.

– Чужая таки? – удивился мой собеседник. – А я уж думал, когда на шашлыках та непонятка вышла, что врешь ты.

– Чужая, – кивнул я. – К армии я имею отношение ровно такое же, как твои кеды к камерунскому чемпиону по бегу на длинные дистанции. Зачем было такое вытворять? Кому это вообще надо? По мне так очевидной выгоды никакой. Путаница одна.

– Именно что путаница. – Дима вдруг вскочил с места и возбужденно замахал руками. – Прятали тебя. Прятали тогда, прячут сейчас. Где, спрашивается, можно спрятать дерево? Правильно, в лесу. Да и потом, мало что ли в России Скворцовых по имени Андрей? Вполне вероятно, что даже твои одноклассники. Ладно бы был какой-нибудь Аскольд или Эльдар, а ты уж прости, ФИО твое самое, что называется, обычное. Ты часом не шпион?

– Да вроде не был, – я развел руками и, встав, по-хозяй-

ски разглядел запасы пира, рядками разложенные вдоль стен гаража. – Я вот что думаю. Надо бы на работу мне сгонять, в родное НИИ. Затем на квартиру. Там должны быть исходники, документы. Файло на хардах, конечно, погибло, но бумажным журналам электричество без надобности.

– Ничего у тебя не выйдет, – быстро остудил мой пыл расчетливый пси-боец. – Сгорели твои журналы в буржуйках или просто в пожаре погибли. Где уж ты там был столько лет, мне неведомо, но город хорошо пострадал. Половина выгорела в самом начале кутерьмы, потом мародеры прошлись, подчищая все, что плохо и хорошо лежит. В НИИ твоём да на хате, небось, сейчас сажа да голые стены.

– Все равно не узнаем, если не проверим, – заупрямился я.

– Ну как знаешь. – Развел руками Дмитрий. – Можем и в город сгонять. Я теперь человек вольный, хоть и светиться мне не рекомендуется в ближайшие пару месяцев, а уж Захару или Ханю на глаза попадаться и вовсе не стоит.

– Там мы аккуратно. – Просто улыбнулся я. – На морды шарфы наматываем да прогуляемся не спеша. Да и потом, кто тебе помеха, коли у тебя в попутчиках целый ретранслятор? – Сказано это было с иронией, которую пир, разумеется, не оценил.

– Ретрансляторство твое пока пшик на ровном месте, – грустно отмахнулся Дмитрий. – Тебе бы в бою поработать, резерв покачать. Против серьезного фриза или вольта ты не факт, что и выступишь. Чистоту работы парень сменил,

бах и не успел поглотить да вернуть.

– Так ты меня потренируй, – тут же предложил я, но Дима снова замахал руками.

– Чтобы тебя тренировать, треба места побольше да людей поменьше. Как начнешь качать, так тебя даже самый бездарный сканер с десяти километров срисует. Тут думать надо, да с умом подходить. Мне с моим хабаром чужие тут не в радость.

– И что ты предлагаешь?

– Да есть километрах в трех южнее заброшенная свиноферма. Рядом новую отстраивали, пятачков чтоб разводить, да, видно, не успели. Вот там и можно будет разгуляться, а если жареным запахнет, то уйти огородами. Сканеры нам там тоже будут не страшны. Когда тебя в первый раз пеленовали, Гришка поделился, что рвешь и мечешь. Отключись, и то почувствовать можно. Но диво дивное, через несколько часов аура у тебя потускнела и пришла в норму. Такую с чем угодно на дальнем расстоянии спутать можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.